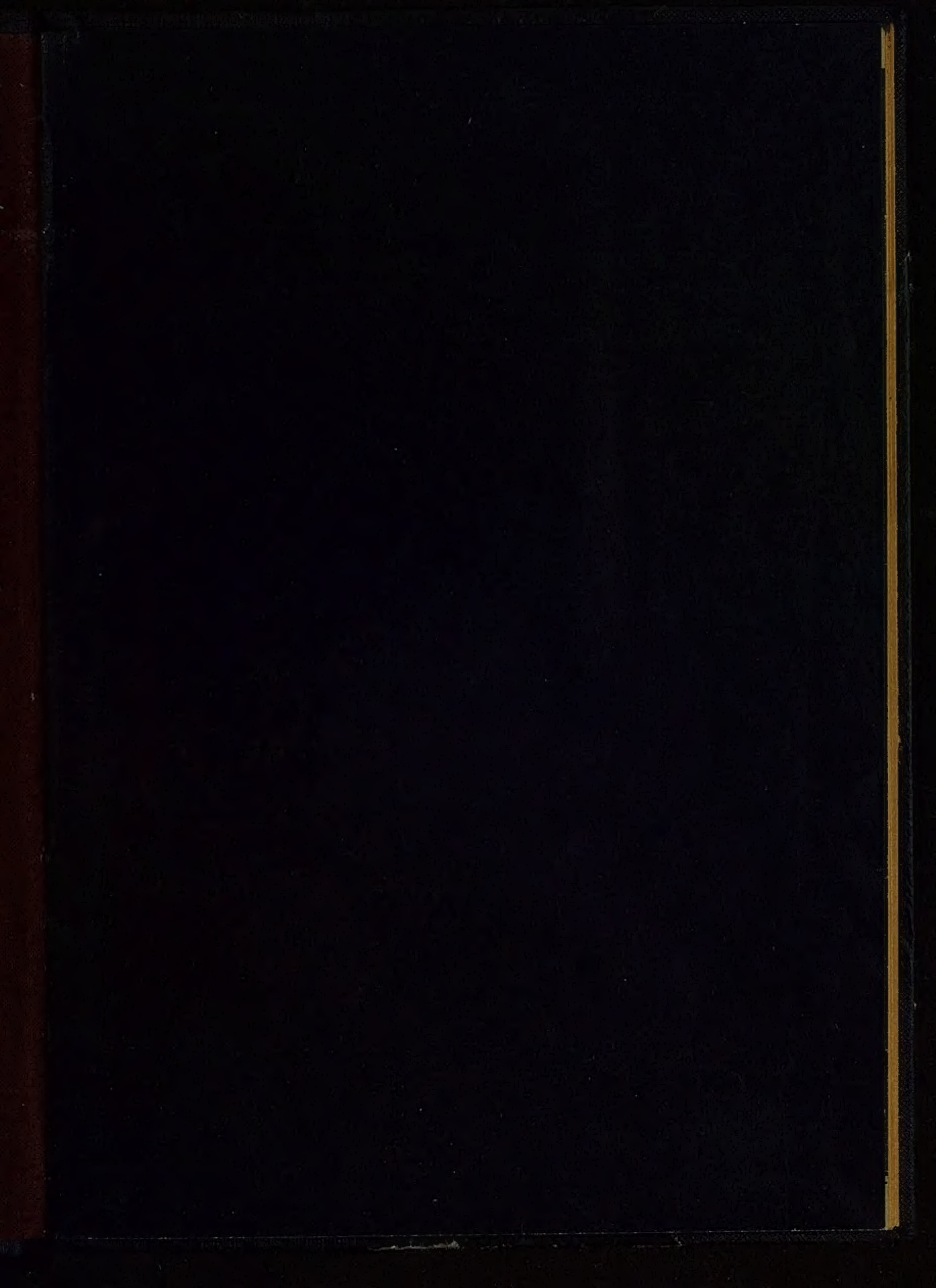
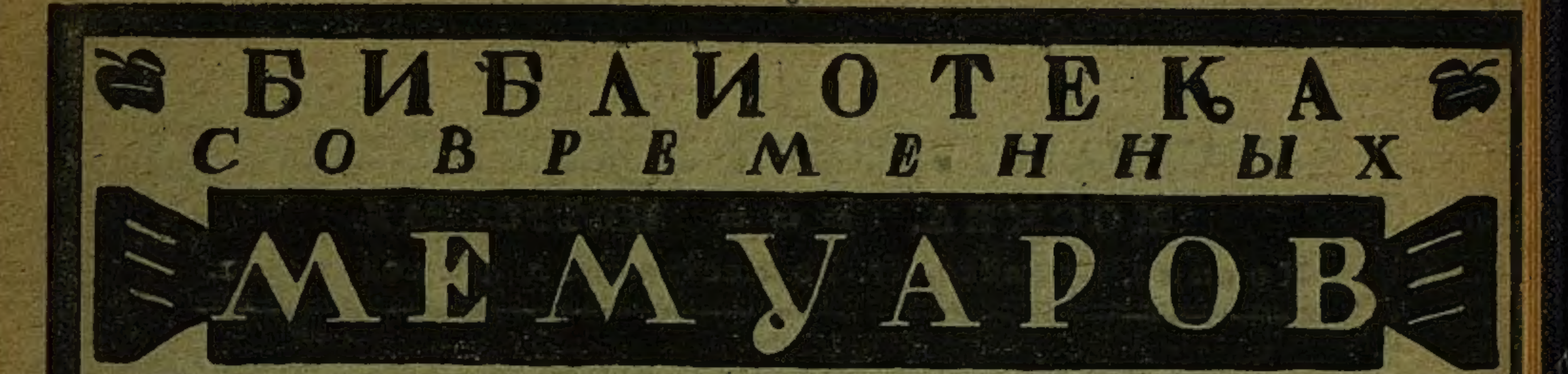
МЕЖДУ МИРОМ
и войной

ГР. ПУРТАЛЕС

МЕЖДУ МИРОМ и ВОЙНОЙ

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО
ГЕРМАНСКОГО ПОСЛА В РОССИИ

ГР. ПУРТАЛЕС

бывший германский посол в России

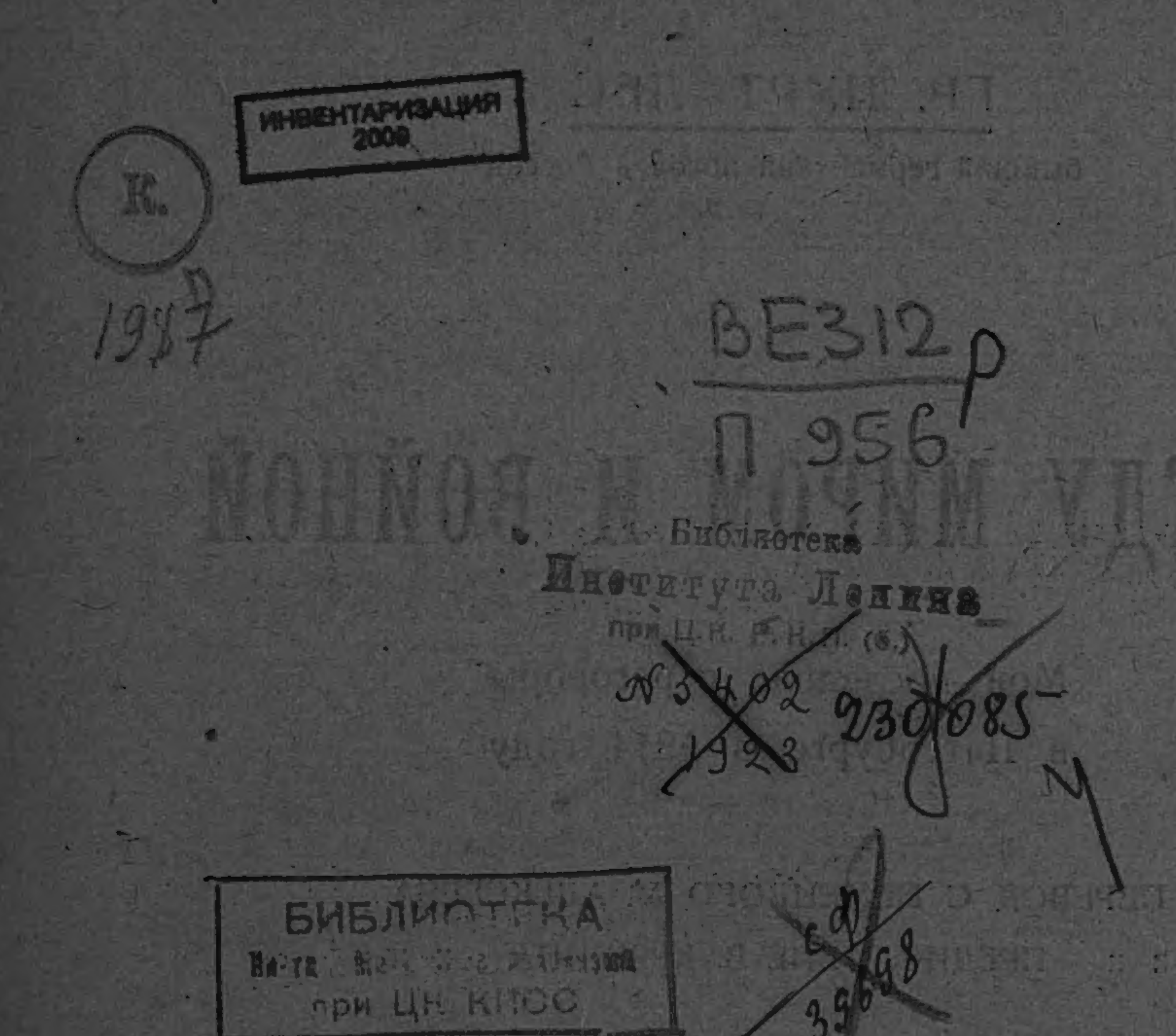
МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ

Мои последние переговоры
в Петербурге в 1914 году

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО М. АЛЕКСЕЕВА
:: :: ПРЕДИСЛОВИЕ В. КРЯЖИНА :: ::

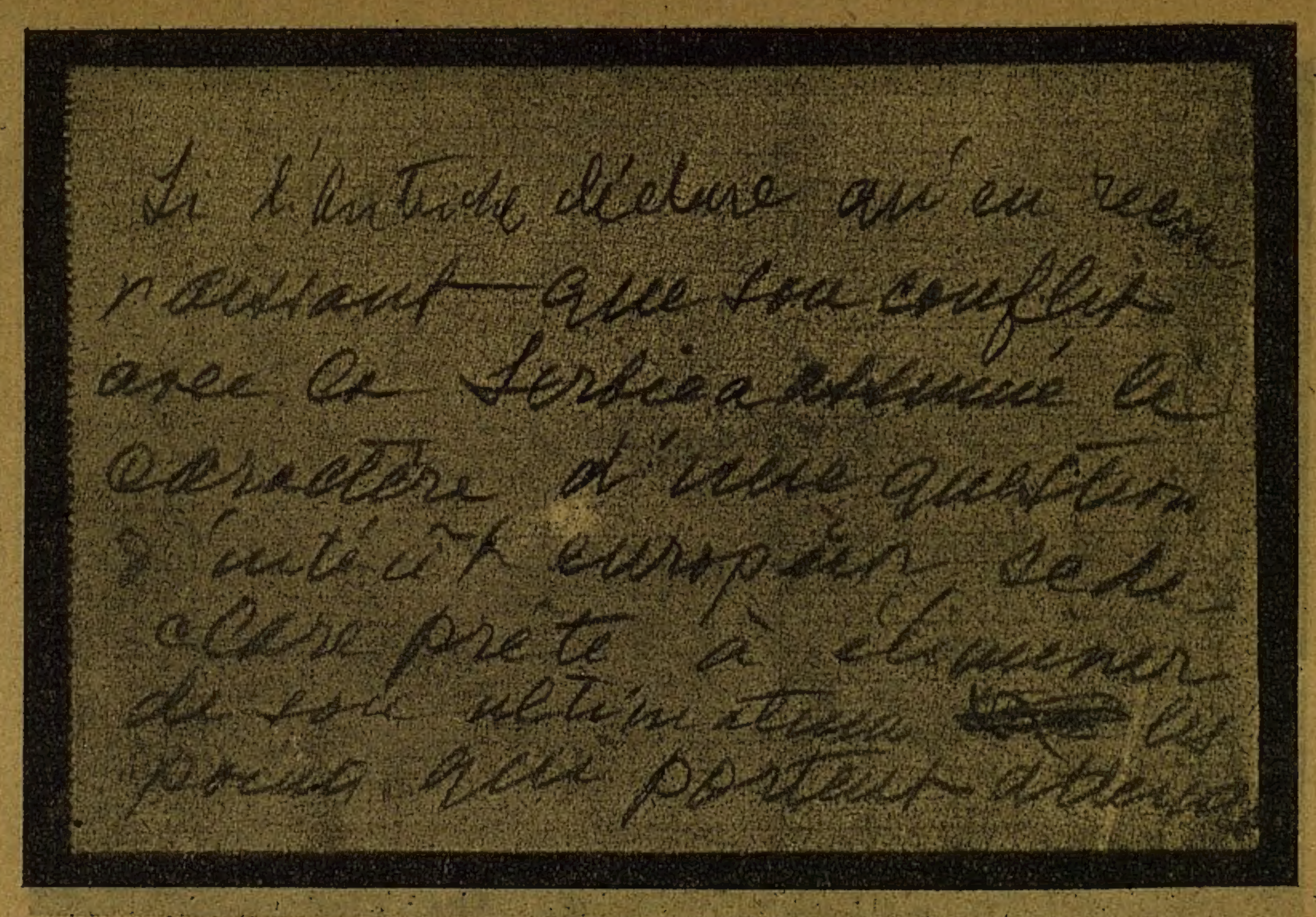

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД
1923

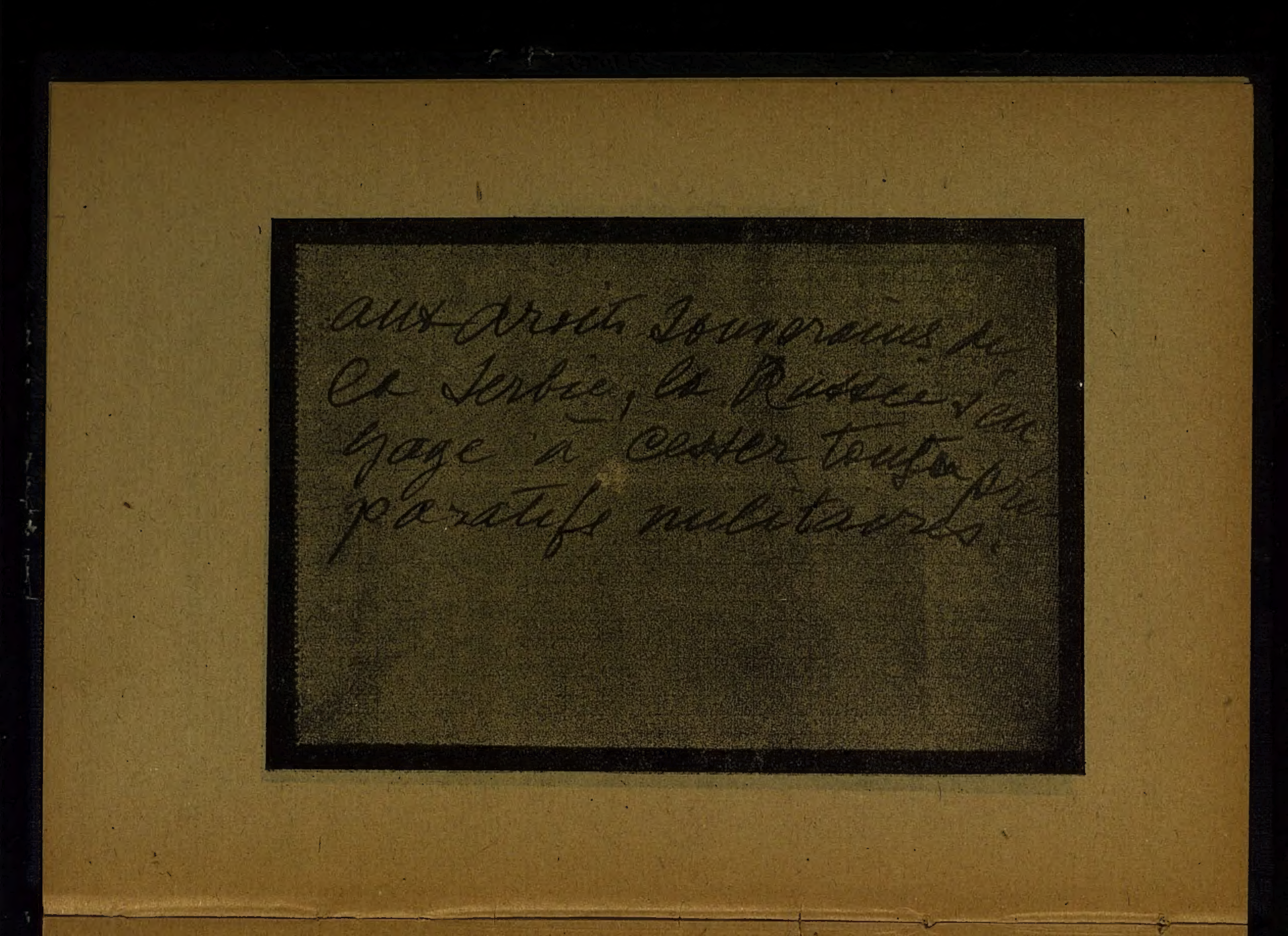
Петрооблит № 4392. 10.000 экз.

Типография „Красный Печатник“, Петроград. Международный, 75.

Si l'Autriche déclare qu'en recon-
naissant que son conflit
avec la Serbie a assumé le
caractère d'une question
d'intérêt européen elle se dé-
clare prête à éliminer
de son ultimatum les
points qui portent atteinte

Факсмимиле письма С. Д. Сазонова

aux droits souverains de
la Serbie, la Russie s'en-
gage à cesser tous pré-
paratifs militaires.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I.

Генезис мировой войны представляет из себя сложнейшую проблему, еще очень далекую от своего разрешения. В русской марксистской литературе имеется несколько серьезных попыток вывести причины мировой войны из общих тенденций империализма, под знаком которого проходила вся политико-экономическая жизнь Европы и Америки, начиная с последней четверти XIX века[1]). Однако, самая структура империализма далеко еще не вполне выяснена; к тому же необходимо точно определить, какие именно тенденции империализма вызвали мировую катастрофу и, наконец, каков был смысл империалистических конфликтов между различными странами: Германией и Англией, Австро-Германией и Россией и т. д. Благодаря этой необычайной сложности проблемы, мы видим, что в то время, как М. Покровский видит сущность конфликтов в экономическом антагонизме прусского юнкера и русского помещика, М. Павлович сводит его к борьбе за

---

[1]) М. Покровский. Виновники войны (Сборник статей „Внешняя политика" М. 1919). Г. Зиновьев. Англия и Германия перед мировой войной. П. 1917. Многотомная серия М. Павловича (М. Вельтмана) „Основы империалистической политики и мировая война" и др.

уголь, железо и за мировые пути, а Г. Зиновьев — формулирует его, как борьбу не на живот, а на смерть между Англией и Германией из-за колоний, сфер влияния, вообще из-за мировой гегемонии. Несомненно, что потребуются многочисленные изыскания, чтобы выяснить во всех деталях причины мировой войны и выявить истинные тенденции империализма, вовлекшие почти все культурное человечество в кровавую четырехлетнюю бойню.

Я, конечно, прохожу мимо различных буржуазных «теорий», основанных на противопоставлении духовного типа германцев (арианского, т.-е. человекобожеского) — симпатичному психическому типу романо-англо-славян (христианскому, идеалистическому), которые усердно разрабатывались учеными и публицистами во все время войны, с целью вящшего усиления патриотизма и звериного человеконенавистничества.

Публикуемые сейчас на русском языке мемуары быв. германского посла в России гр. Пурталеса, так же как уже вышедшие воспоминания М. Палеолога, Вильгельма II и др. — принадлежат к совершенно иной категории произведений, связанных с мировой войной. Авторы последних, исключительно государственные люди и дипломаты, придерживаются гораздо более наивной, упрощенной концепции. Мировая война является для них плодом злой воли той или иной державы, вернее даже политических руководителей ее, которые не пожелали дипломатическим путем ликвидировать разыгрывавшийся конфликт. Вопрос о причинах войны сводится к вопросу об индивидуальных «виновниках» ее, в качестве которых и выставляются попеременно: Вильгельм II, русская милитаристическая

клика, возглавляемая Николаем Николаевичем, Пуанкарэ, Энвер, Талаат и другие.

Эту примитивную постановку вопроса нельзя, конечно, об'яснять одной лишь историко-социологической безграмотностью, которая сплошь и рядом была присуща западным политикам, а также часто и оффициальным жрецам науки. Указание на персональных виновников войны всегда являлось для правящих буржуазных политиков превосходным агитационным приемом, преследующим одновременно две цели: добела накалить шовинизм политически-близоруких мелкобуржуазных масс и в то же время снять с себя действительную ответственность за кровавую бойню. Недаром, в первые месяцы после окончания мировой войны, и Пуанкарэ, и Ллойд Джордж энергично требовали выдачи «виновников войны» для устройства суда над ними, шантажируя этими эффектными лозунгами стихийно-протестующие народные массы. Но лишь только первая революционная волна спала, как вопрос о выдаче виновников войны как-то незаметно растаял, исчез, не оставив никаких следов в мирных договорах и в других международных документах.

Несмотря на эту специфическую постановку вопроса, мемуары гр. Пурталеса, так же, как и других руководящих политиков и дипломатов предвоенной эпохи (Камбона, Палеолога и др.), имеют несомненный исторический интерес. Они живо вводят нас в ту политическую среду, где выращивался этот грандиозный конфликт. Мы узнаем целый ряд фактов, любопытнейших дипломатических деталей, которые, как бы ни были они мелки, представляют значительный интерес для всех историков мировой войны.

2.

Уже в предисловии к своим воспоминаниям, гр. Пурталес полностью высказывает свое политическое credo. «Я еще и ныне убежден в том, что мирного разрешения сербского конфликта было бы возможно достигнуть дипломатическим путем, если бы Россия послушалась дружественных предостережений Германии и отказалась от принятия военных мер в течение дипломатических переговоров... Именно общая мобилизация в России явилась сознательным и намеренным вызовом Германии, которая не хотела войны, вызовом, имевшим целью добиться войны, которую, в противном случае, еще может быть представлялось бы возможным избегнуть». Кто же были эти шовинистические русские круги, которые «за спиной у царя» натравливали Россию на преисполненную пацифистских чувств Германию? Гр. Пурталес указывает, что после Балканской войны в правящих кругах России сильнейшее влияние начали приобретать крайние националисты. Именно эти германофобы-«славянофилы» (по терминологии германского посла) поставили у власти престарелого Горемыкина и честолюбивого Маклакова; они же сообщили свой военный задор ранее «миролюбивому» Сазонову, и, наконец, через посредство последнего, они же «внушили» анти-австрийские настроения пацифисту... Пуанкарэ.

Мы увидим далее, какой чудовищной наивностью является последнее представление гр. Пурталеса.

Мемуары М. Палеолога очень удачно дополняют указания германского посла на провокационную роль,

которую играли русские, главным образом, военные, круги в деле возбуждения военного конфликта. Чего стоит, напр., описание торжественного обеда, данного вел. кн. Николаем Николаевичем Пуанкарэ, на котором музыканты играли исключительно Лотарингский марш и марш Самбры и Мезы, на столе же красовался... чертополох, сорванный вел. княг. Милицией (дочерью Николая Черногорского) в Лотарингии и чудесным образом вырощенный в ее саду.

Помимо национализма и германофобии, русские правящие круги, идя неудержимо к конфликту, руководствовались и другим соображением, чрезвычайно кстати отмеченным гр. Пурталесом. Из интимной беседы, которую он вел с мажордомом Романовых графом Фредериксом, он узнал, что министр внутренних дел Маклаков «сумел убедить императора Николая в том, что внутреннее положение России настоятельно требует выхода». Несомненно, что это сведение имеет крупную историческую ценность и косвенно подтверждает взгляд М. Покровского, что «основной целью войны для буржуазии всех участвующих в ней стран было — 'предупредить надвигающуюся с неудержимой, стихийной силой социальную революцию» (ук. статья, стр. 190).

В дальнейшем, записки гр. Пурталеса, охватывающие 8 дней со дня пред'явления Сербии австро-венгерского ультиматума (24 июля) — до об'явления Германией войны России (1 августа) — подробно излагают те дипломатические переговоры, которые происходили между воинственной Россией и Германией, обуреваемой желанием сохранить мир. Излагая эти события, гр. Пурталес находится в чрезвычайно затруднитель-

ном положении: в самом деле, как согласовать официальное миролюбие среднеевропейского блока с бомбардировкой австрийцами Белграда или с отказом их ликвидировать конфликт путем дипломатических переговоров с Россией. Он принужден, от имени Германии, уверять Сазонова, что Австрия отнюдь не думает сделать какие-нибудь территориальные приобретения в Сербии, что ее задачей является лишь «проучить» последнюю и т. д. Истощив все эти сомнительные аргументы, этот представитель милитаристической Германии обращается к Сазонову с забавным предостережением: «не давать слова генеральным штабам!»

Сазонов довольно резонно замечает, что интересы России требуют, чтобы Сербия не превращалась в «вассальное государство Австро-Венгрии», «Сербия не должна стать Бухарой». События в этой стадии идут, конечно, мимо всей этой дипломатической болтовни: Австрия, Россия и Германия мобилизуются — вся Европа наполняется звоном оружия. Гр. Пурталес вынужден, после трогательных об'ятий с Сазоновым, передать ему об'явление войны. При сей оказии он ошибается и второпях передает этот исторический документ сразу в двух редакциях, за что, как известно, он был впоследствии «изрядно накостылеван» в правительственных кругах Германии.

3.

Как же на самом деле развертывались события?

Несомненно, что уже Балканская война (1912—13 гг.) ознаменовала конец вооруженного равновесия в Европе и явилась как бы прологом к мировой войне.

Результаты двух Балканских войн в необычайной степени обострили империалистические антагонизмы великих держав, издавна процветавшие именно на Ближнем Востоке. Россия после второй Балканской войны, окончившейся разгромом Болгарии и переходом ее на сторону Австро-Германии — должна была навеки расстаться с излюбленной мыслью: создать под своим водительством блок балканских государств, который был бы направлен одновременно против Австрии и Турции. Австрия, после раздела между Сербией и Грецией Македонии, также должна была распрощаться с концепцией, лелеемой в течение столетия, подчинения западной части Балканского полуострова, для выхода к морю у Салоник. Германия с тревогой видела, как после почти полного уничтожения турецких владений в Европе — рушились средние быки великого пан-германского моста, перебрасываемого из Вены и Берлина в Азиатскую Турцию. Наконец, последняя, совершенно ясно убедившись, что за спиной сербов, греков и болгар все время стояли помогавшие им Россия и Франция — окончательно перешла на сторону Германии и фактически подчинила свои военные силы немецкому генералу Лиману фон-Сандерсу.

Как известно, во время балканских войн и последующих переговоров несколько раз грозил разразиться общеевропейский конфликт. Желая сохранить хоть какую-нибудь базу на Балканах, Австрия настояла на образовании автономной Албании, что лишало Сербию выхода к морю. Но достигнуть этого ей удалось лишь ценой половинной мобилизации всей своей армии, что вызвало необычайно повышенное настроение в милитаристических кругах России. Но не только Россия,

а почти все европейские державы в этот момент совершенно открыто готовились к войне.

Как явствует из разоблачений, сделанных Джиолитти, Австрия уже в августе 1913 года предлагала Италии начать войну против Сербии. В то же время, как это явствует из переписки быв. посла в Париже Извольского, Пуанкарэ «удивлялся», почему Россия упускает такой удобный момент разделаться с Австрией. Наконец, французский посол в Берлине Ж. Камбон сообщал своему правительству, что Вильгельм II-ой «перестал быть сторонником мира» (a cessé d'être partisan de la paix [1]).

События после этого развертываются с головокружительной быстротой: в начале 1914 г. в Петербурге происходит особое совещание по восточным делам, на котором детально разрабатывается план захвата Константинополя и проливов. Участники совещания ясно отдают себе отчет, что война с Турцией повлечет за собой общеевропейский вооруженный конфликт. Сазонов совершенно спокойно констатирует, что «нельзя предполагать, чтобы наши действия против проливов происходили без общеевропейской войны». Впрочем, он тут же гарантирует полную поддержку Франции и благожелательное отношение Англии [2]). Что касается до Франции, то, как указывает М. Палеолог, уже в 1912 г. происходили на Quai d'Orsay секретные военно-дипломатические совещания для выработки: «тесного согласия между центральными государственными органами, на долю которых, в случае войны, должно

---

[1]) И. Е. Гешов. Балканский Союз. П. 1915, стр. 4.

[2]) В. Кряжин. Борьба за проливы. Ж. „Новый Восток" № 2, стр. 100.

было выпасть главное напряжение сил при обороне страны»[1]).

Настоящим апостолом войны был Пуанкарэ, который, как мы видели, по мнению гр. Пурталеса, заразился милитаризмом под влиянием Сазонова. На самом деле дело обстоит совершенно обратным образом. В момент представления австрийского ультиматума Сербии, «именно Пуанкарэ заботился о том, чтобы Сазонов был тверд и чтобы мы (т.-е. Франция) его поддержали». Находясь в Петербурге в тревожную историческую неделю, предшествовавшую началу мировой войны, Пуанкарэ делал все, что было в его силах, чтобы приблизить ее. Разве не символически прозвучал его тост на прощальном обеде, данном царю на борту «Франции» — «У обеих стран (т.-е. у Франции и России) один общий идеал мира — в силе, чести и величии». Недаром, по указанию М. Палеолога, этот тост представителя французской плутократии вызвал бурю аплодисментов, и русские милитаристы нашли, что он отмечает «дату в мировой истории».

Как мы видели, действительный ход событий в корне разрушает оффициальную фразеологию всех без исключения империалистов: немецких, французских и русских, об их желании сохранить во что бы то ни стало мир, чему воспрепятствовали те или иные «виновники войны».

В чем же, однако, заключался смысл той дипломатической игры, которая в течение недели велась между Россией и Германией, под флагом сохранения мира. Ведь не так же глупы были дипломаты, чтобы не ви-

---

[1]) М. Палеолог. Царская Россия во время мировой войны, со вступ. статьей М. Павловича. Гос. изд. 1922 г., стр. 18.

деть и не знать, что вооруженный конфликт совершенно неизбежен и никаким бумажкам, никаким телеграммам, хотя бы самого патетического содержания, не остановить надвигающихся гигантских событий. Разгадка всей этой дипломатической волокиты довольно, впрочем, проста. Ни одна из держав, неудержимо стремящихся к вооруженному конфликту, не решалась взять на себя инициативу об'явления войны. Скрытый смысл всех этих бесконечных августейших телеграмм, нот и т. п. заключался в том, чтобы спровоцировать противную сторону на решительный разрыв, со всеми вытекающими последствиями. Война угрожала быть слишком чудовищной, и народным массам, которые должны были в течение ряда лет поставлять пушечное мясо, необходимо было продемонстрировать хотя бы фикцию самообороны от наступающего врага. Эта забота об общественном мнении очень ярко проявляется у того же М. Павловича, воспроизводящего слова английского посла Д. Бьюкэнена, сказанные в самый разгар дипломатической «подготовки» к войне: «Ради бога — будьте сдержаны. Исчерпайте все способы примирения. Не забывайте, что мое правительство есть правительство общественного мнения и что оно сможет деятельно вас поддержать только в том случае, если общество будет за него».

Эта забота о том, чтобы выиграть общественное мнение, вернее, чтобы околпачить его — и составляла скрытую пружину всех дипломатических переговоров, воспризводимых в записках гр. Пурталеса. Думать, что та или иная редакция документов, или, даже, что самое содержание их вовлекли бы Европу в мировую бойню, конечно, было бы необычайной наивностью. Когда

империалистические державы не чувствуют необходимости считаться с общественным мнением, они сами создают поводы для войны. Лучшим примером этого является знаменитая эмская телеграмма, вызвавшая разрыв между Францией и Германией и войну 1870 года — по циничному признанию Бисмарка — сфабрикованная им самим, а вовсе не посланная правительством Наполеона III.

В. Кряжин.

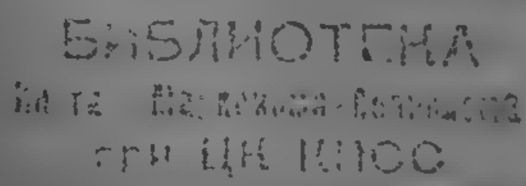
Предисловие автора.

Настоящие заметки были набросаны мной под свежим впечатлением пережитого мною в Петербурге во время последних дней, предшествовавших возникновению войны; я придал им форму дневника уже тогда, когда ехал из Петербурга в Стокгольм и затем по приезде в Берлин изложил их письменно. Первоначально эти записки не предназначались к опубликованию. Впоследствии, насколько у меня сохранилось воспоминаний за эти три года, ведомство иностранных дел опубликовало несколько кратких отрывков из них во «Всеобщей Северо-Германской Газете». Настоящее полное издание записок предпринято с согласия вышеуказанного ведомства. Приэтом первоначальная форма их осталась без всяких изменений; я отказался даже исправить некоторые стилистические шереховатости и устранить кое-какие повторения.

Как явствует из этих заметок, я уже в первые дни кризиса летом 1914 года усматривал главную опасность для дела мира в немедленно начавшихся и принявших обширные размеры военных приготовлениях России. Я еще и ныне убежден в том, что мирного разрешения сербского конфликта было бы возможно достигнуть дипломатическим путем, если бы Россия послушалась дружественных предостережений Германии и отказалась от принятия военных мер в течение дипломатических переговоров.

Факты, обнаруженные процессом Сухомлинова, мне еще не были известны, когда я заносил мои заметки. Показания бывшего русского военного министра на этом процессе с неопровержимостью подтверждают, что руководящие русские круги вели дело к войне, и что за спиною у царя они приступили к общей мобилизации русской армии как-раз в тот момент, когда, благодаря посредничеству Германии, открылись благоприятные виды мирного улажения конфликта. Таким образом, общая мобилизация в России явилась сознательным и намеренным вызовом Германии, которая не хотела войны, вызовом, имевшим целью добиться войны, которой в противном случае еще, может быть, представлялось бы возможным избегнуть.

Граф Пурталес.

Берлин.
Февраль 1919 года.

Когда в июле 1914 года стало известно, что следствие по делу о покушении в Сараеве доставило австро-венгерскому правительству доказательства соучастия сербского правительства в этом достойном проклятия преступлении, то повышенно нервное настроение министра Сазонова давало возможность предвидеть, что Россия намерена воспротивиться резкому выступлению Австро-Венгрии против Сербии, и что это может вызвать в таком случае серьезный конфликт. За два года перед тем, во время балканской войны, такие кризисы уже случались не раз. Когда сопротивление Австро-Венгрии в конце 1912 года лишило сербов доступа к Адриатическому морю, и затем когда, спустя несколько месяцев, лондонская конференция послов присудила город Скутари новообразовавшемуся Албанскому государству, то разбушевавшиеся волны военной травли уже тогда достигли в Петербурге очень высокого уровня; и, без сомнения, следует поставить в заслугу императору Николаю и его правительству то, что общественные элементы, агитировавшие в пользу войны, встретили энергичный отпор, хотя, правда, лишь в последнюю минуту, когда дело дошло уже до уличных демонстраций.

После Балканской войны внутренние отношения в России претерпели немаловажное изменение. Националистическое направление стало приобретать все больше и больше влияния. Ему удалось вытеснить миролюбивого председателя совета министров Коковцова и бесцветного министра внутренних дел Мака-

рова и заменить их обоих людьми из националистического лагеря — престарелым Горемыкиным и честолюбивым Маклаковым. Старейшие опытные члены государственного совета не скрывали своих опасений по поводу националистического засилия. Сам министр Сазонов все более и более подчинялся влиянию националистов и германофобов, как это уже сказалось в том положении, какое он занял в вопросе о германской военной миссии в Турции. Его видимо тяготил упрек нацоиналистов в том, что во время Балканской войны он проявил уступчивость в отношении Австро-Венгрии, и что он в значительной степени несет вину за те разочарования, которые постигли истинных друзей славянства по поводу конечных результатов этой войны. Если в течение первых лет своего пребывания у власти Сазонов находил деятельную поддержку своей политики, клонившейся к сохранению мира, сперва у своего зятя Столыпина, а впоследствии и у Коковцова, то теперь он оказался почти беспомощным пред натиском славянофилов. Уже за несколько месяцев до возникновения войны обнаружилось ясно, что Сазонов не был человеком, который был бы способен один сопротивляться энергично растущему натиску националистов. При этих обстоятельствах можно было предвидеть, что вновь возникающие разногласия с Австро-Венгрией в области восточной политики могут привести к кризису более серьезному, чем прежние разногласия. 21 июня, за несколько дней до вручения Сербии австрийского ультиматума, я имел продолжительную беседу с Сазоновым, во время которой министр говорил в очень возбужденном тоне об угрозе Сербии со стороны Австрии и приэтом знаменательным образом указывал на тот факт, что угрожающее положение, занятое Австриею, по имеющимся у него сведениям, пробуждало сильные опасения в Париже и Лондоне. Этим самым он явно хотел с самого же начала сообщить обще-европейский отпечаток всему этому вопросу. Моему итальянскому кол-

леге, с которым он беседовал в тот же день, Сазонов сказал: «La politique de Russie est pacifique, mais pas passive» («Политика России мирная, но не пассивная» [1]).

Мой взгляд, согласно которому Австро-Венгрия имеет бесспорное право потребовать отчета от сербского правительства, в случае, если бы оказалось, что это последнее является соучастником в сараевском кровавом преступлении — этот взгляд Сазонов резко отклонил. Правительство, по его мнению, не может нести ответственность за действия частных лиц, а мнимые доказательства в руках австро-венгерского правительства ровно ничего не стоят. И президент Пуанкарэ, прибывший как-раз в это время в Петербург, принимая 22 июля лиц дипломатического корпуса, высказался пред австро-венгерским послом в подобном же смысле, повидимому, действуя под внушением Сазонова [2]).

24-го июля.

24 июля в полдень мой австро-венгерский коллега сообщил министру переданную накануне вечером в Белград австро-германскую ноту [3]). К своему удивлению я узнал от графа Сапари, что Сазонов встретил это сообщение относительно спокойно. Правда, он тут же вслед за тем указал, что Сербия никоим образом не может принять некоторые пункты ноты.

Немедленно после посещения его моим австро-венгерским коллегой, г. Сазонов отправился на заседание совета министров, которое продолжалось далеко за полдень, так что я получил возможность увидеть министра только к вечеру. В противоположность австро-венгерскому послу, при котором министр иностранных дел выказал спокойствие, я застал г. Сазонова

---

1) Мое донесение имперскому канцлеру от 21 июля.
2) Моя телеграмма министерству иностранных дел от 23 июля.
3) Моя телеграмма министерству иностранных дел от 24 июля.

в состоянии величайшего волнения[1]). Его обвинения против Австрии не знали меры. Мое выяснение позиции германского правительства в отношении, с нашей точки зрения, оправдываемого выступления Австро-Венгрии только содействовали усилению его возбуждения. Сазонов живейшим образом протестовал против взгляда германских кругов, согласно которому дело идет о споре, касающемся только Сербии и Австро-Венгрии, и интерес всеобщего мира настоятельно повелевает строго локализировать это столкновение в самом начале его возникновения. Вопрос, по словам министра, европейский. Европа не должна дозволить, да и не дозволит, чтобы маленькая Сербия пала жертвой корыстолюбия Дунайской монархии. Мое возражение, что Австрия вряд ли, конечно, согласится повергнуть этот вопрос решению европейского ареопага, и что в таком случае опасность европейского конфликта становится угрожающе близкою, — оказалось бессильным сдвинуть министра с его точки зрения. Равным образом и мое обращение к монархическому принципу встретило столь же мало отзыва в душе министра. Сазонов оспаривал, чтобы этот принцип серьезным образом пострадал вследствие убийства, совершенного под покровительством сербского правительства. Он отказывался также допустить, что помощь, оказываемая Россией сербскому правительству, ставшему пособником цареубийц, стоит в противоречии монархическим традициям, которые Россия всегда держит высоко. В ответ на мои раз'яснения министр заявлял, что Австро-Венгрия ищет только предлога напасть на Сербию и уничтожить ее. К этому он с волнением прибавил, что Австро-Венгрия, однако, никогда не решилась бы следовать такой политике, если бы она не рассчитывала на поддержку Германии. Поэтому от Германии зависит не допустить разразиться угрожающему

---

[1]) Моя телеграмма министерству иностранных дел от 24 июля и донесение имперскому канцлеру от 25 июля.

европейскому конфликту. Мое возражение, что нельзя ожидать от Германии, чтобы она помешала свободе действий своей союзницы, в то время когда эта последняя решилась дать законный отпор проискам, которые имели своей целью подорвать ее положение, как великой державы, — это возражение не было оценено моим собеседником. В конце концов я прекратил затянувшуюся больше часу беседу, так как должен был признать безнадежность склонить министра к усвоению более примирительной точки зрения; а, напротив, Сазонов все более и более возбуждался своей собственной речью. Я обратил внимание, однако, что в течение нашей беседы у Сазонова один только раз промелькнуло на устах слово война, именно, когда он воскликнул, что, в случае если Австро-Венгрия «проглотит» Сербию, Россия пойдет войной на Габсбургскую монархию. Эти слова навели меня на мысль о том, что Россия, пожалуй, намерена тогда лишь обратиться к оружию, когда выяснится, что Австро-Венгрия собирается сделать территориальные приобретения за счет Сербии. Во всяком случае об'яснение с г. Сазоновым оставило у меня впечатление, что на только что состоявшемся заседании совета министров было решено не отступать пред острым конфликтом.

В самом деле, повидимому, на этом заседании совета министров уже серьезным образом рассматривалась возможность разрыва сношений с Австро-Венгрией и Германией. Как я узнал на другой же день из достоверных источников, министры подробно обсуждали вопрос о том, таково ли внутреннее положение России, чтобы страна могла спокойно взирать на внешние политические осложнения[1]). Большинство министров дало на этот вопрос ответ утвердительный. Кроме того, в результате заседания совета министров было составлено правительственное сообщение, гласившее, что

[1]). Мое донесение имперскому канцлеру от 26 июля.

Россия не может относиться безразлично к австро-сербскому конфликту.

25-го июля

25 июля я не имел случая видеть г. Сазонова, так как он провел большую часть дня в красносельском лагере при императоре. На состоявшемся там под председательством царя заседании совета министров были, без сомнения, приняты очень важные и серьезные решения. В этот же день, должно быть, было решено также произвести мобилизацию.

25-го июля настроение в Петербурге было еще совсем спокойное. В рядах широкой публики нельзя было заметить никакого особого возбуждения по поводу ультиматума, пред'явленного Сербии. Разумеется, националистические газеты, вроде «Нового Времени» и «Света», разразились резкими нападками на Австро-Венгрию, однако, тон этих нападок мало чем отличался от тех выражений, какие и без того были обычны на столбцах этих газет. Удивительно разумная точка зрения нашла себе место на столбцах кадетского органа «Речь»[1]). Эта газета писала, что Сербия, конечно, не даст вполне удовлетворительного ответа на австро-венгерскую ноту. К тому же она уже получила поощрение к такому ответу, и Россия взяла на себя ответственность за вытекающие из этого последствия. Единственная возможность избежать вовлечения держав Тройственного Согласия в австро-сербский конфликт состоит в локализации сербского вопроса и в строгом воздержании от всякого дальнейшего поощрения Сербии.

Во всяком случае в этот момент не общественное мнение толкало русское правительство ко враждебному выступлению против Австро-Венгрии. Скорее, тут работала небольшая группа лиц, старавшаяся с самого начала обострить конфликт.

---

[1]) Мое донесение имперскому канцлеру от 25 июля.

По несчастной случайности император Николай все эти дни проводил в Красном Селе на маневрах гвардейских частей и благодаря этому находился под непосредственным влиянием своего дяди великого князя Николая Николаевича и лиц приближенных к последнему, а Николай Николаевич еще во время Балканской войны открыто натравливал страну на войну с Австро-Венгрией. Атмосфера, которою царь был окружен в красносельском лагере, без сомнения, сильно содействовала тому, что на совещании 25 июля были приняты резолюции, которые толкнули Россию в стремнину, по необходимости ведшую к войне. Если бы в эти дни император Николай послушался, как, например, в декабре 1912 года, таких советников, как тогдашний председатель совета министров Коковцов, то монарх, который сам, конечно, не хотел войны, может статься, и на этот раз тоже дал бы отпор науськивателям на войну. Повидимому, впрочем, ни председатель совета министров Горемыкин, ни г. Сазонов не использовали своего влияния с должной энергией, чтобы доставить 25 июля торжество политике, направленной к сохранению мира.

Несмотря на это, я не думаю, чтобы Сазонов хотел войны уже в тот момент. Однако, он предавался роковой иллюзии, будто Германия, убедившись в решимости России на сей раз итти на последнюю крайность, оставит своих союзников в беде, и таким образом Россия и державы Тройственного Согласия одержат дипломатический успех, который в то же самое время явился бы и компенсацией за дипломатическое поражение, понесенное ею в боснийском вопросе в 1909 году. Приэтом, по своей большой неопытности, чтобы не сказать наивности, в вопросах военного дела, он не отдавал себе отчета в великой опасности, которая заключалась в том, что, очевидно, уже 25 июля военным властям были даны очень широкие полномочия к началу военно-подготовительных мероприятий.

Вечером 25 июля генерал фон-Хелиус[1]) и военный атташе майор фон-Эггелинг вернулись из Красного Села, где они были приглашены участвовать в большом военном банкете. Они оба рассказывали о том волнении, которое господствовало среди высших офицеров. У них обоих осталось впечатление, что приняты все меры к мобилизации против Австро-Венгрии. По их словам, развитие маневров оборвано, и войска получили приказание немедленно вернуться в свои гарнизоны. Генерал фон-Хелиус сообщил, что офицеры главного штаба нисколько не скрывали весьма серьезных опасений, какие им внушало положение вещей[2])

26-го июля.

Моя встреча на железной дороге с г. Сазоновым, который так же, как и я, проводил летние месяцы в Царском Селе, лишь утвердила меня в воззрении, что русский министр иностранных дел все еще определенно надеялся избежать войны. Мы вместе ехали в Петербург и, так как в пути мы были не одни, то вели довольно продолжительную беседу по приезде на вокзал; к своему удивлению я нашел министра гораздо более миролюбивым, чем за два дня перед тем[3]). Г. Сазонов рассыпался предо мной в уверениях относительно своего мирного образа мыслей, он заверял меня, что он ищет только лишь средств доставить Австро-Венгрии законное удовлетворение, не изменяя приэтом точки зрения, которой Россия должна хранить верность, именно суверенность Сербии должна быть вне посягательств! Он заявлял о своей полной

---

[1]) Генерал фон-Хелиус занимал пост генерала, прикомандированного германским императором к особе русского императора для поддержания личных сношений между обоими монархами. *Примечание переводчика.*

[2]) Телеграмма генерала фон-Хелиуса е. в. германскому императору.

[3]) Телеграмма министерству иностранных дел от 26 июля.

готовности обсудить всякое предложение, которое только может привести к достижению этой цели. Я воспользовался благоприятным настроением министра иностранных дел, чтобы убедить его отказаться от мысли разбора австро-сербского конфликта пред каким-то европейским судилищем. Я напомнил об опыте с тяжеловесным аппаратом лондонской конференции послов во время Балканской войны и указал, как медленно тогда работал этот аппарат. Я настоятельно рекомендовал тогда г. Сазонову прямо и откровенно об'ясниться с венским кабинетом, и соответственно этому, прежде всего — с моим австро-венгерским коллегою; на основании впечатлений, вынесенных мною из моих разговоров с графом Сапари, я высказал убеждение в том, что русский министр иностранных дел должен будет успокоиться касательно планов Австро-Венгрии. Австро-Венгрия, заявил я, в действительности вовсе не намерена проглотить Сербию, а, скорее, желает лишь дать ей хороший урок, который та вполне заслужила. Г. Сазонов обещал последовать моему совету и немедленно войти в сношение с графом Сапари. Между тем, этот последний, со своей стороны, и сам уже осведомлялся, когда он может видеть министра иностранных дел.

В разговорах, которые я имел в течение дня с несколькими коллегами, среди коих были также представители малых государств, я установил, что французский посол с самого начала кризиса ведет усиленную травлю Германии [1]). Г. Палеолог повсюду распространяет весть, что Германия клонит к конфликту, и что на самом деле речь идет в гораздо меньшей степени об австро-сербском, чем о германо-русском столкновении. Так как, по полученным мною из Берлина сведениям, среди представителей тамошнего дипломатического корпуса тоже распространялся слух, шедший, по всей видимости, из французского источника, о том, что мы,

[1]) Телеграмма министерству иностранных дел от 26 июля.

Германия, побудили Австро-Венгрию обратиться с резкой нотой к Сербии, так как далее я был уполномочен, в случае нужды, выступить против этого слуха, то, по соглашению с моим австро-венгерским коллегою, я и решил опубликовать соответствующее заявление в русской печати. В этом заявлении явственно устанавливалось, что германское правительство не оказало никакого влияния на ноту, пред'явленную Сербии, и даже не знало о ней, что Германия считает австро-венгерскую точку зрения законной и, в качестве союзника, будет поддерживать ее, но что в интересах мира, главным образом, она желает локализации конфликта.

После полудня меня посетил граф Сапари и рассказал, что только-что беседовал с г. Сазоновым, и что беседа протекала во вполне удовлетворительном тоне [1]). Министр иностранных дел дал графу Сапари возможность раз'яснить ему пред'явленную Сербии ноту с различных точек зрения, и обнаружил гораздо менее непримиримого настроения, чем можно было ждать от него.

К вечеру и я, в свою очередь, имел вторую беседу с министром иностранных дел, который начал с выражения мне горячей благодарности за мой совет ему открыто об'ясниться с графом Сапари. Он спокойным образом проанализировал с австро-венгерским послом всю ноту. Приэтом граф Сапари с особенным ударением подчеркивал, что завоевательные планы очень далеки от намерений Австро-Венгрии, что единственное, чего она хочет, это — добиться, наконец, спокойного состояния на своих окраинах. Это заявление, видимо, подействовало успокоительным образом на министра иностранных дел. Он пошел так далеко в выражении своего примирительного настроения, что заявил, что по многим пунктам ноты Россия не имеет никаких возражений, и что касательно некоторых других пунктов

---

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 26 июля.

изменение формы пред'явленных требований, может быть, допускало бы соглашение.

«Il ne s'agit peut-être que de mots» [1]), заметил он. Для достижения такого соглашения, сказал г. Сазонов, было бы весьма желательно вызвать посредничество каких-либо держав, не заинтересованных в споре непосредственно, может быть, Англии и Италии. Министр так будто бы и заявил об этом австро-венгерскому послу. Тем не менее, он охотно готов выслушать и другие предложения и просит меня сделать таковые. Я отвечал г. Сазонову, что у меня нет на это полномочий, но, что если ему угодно выслушать мой совершенно личный взгляд, то я могу ему лишь снова и снова посоветовать поддерживать прямой обмен мнений с Веною. Если венский кабинет действительно держится того взгляда, что требования, пред'явленные им к Сербии, могут по форме быть смягчены, то он, как я думаю, не окажется в затруднении высказать это и помимо посреднического вмешательства третьих лиц. Возможно, что этим путем будет найдена основа для соглашения. Тогда, может быть, какая-нибудь третья держава могла бы взять на себя образумить Сербию. Сазонов отвечал мне с живостью, что, дабы явить доказательство своей доброй воли, он немедленно же пошлет депешу русскому представителю в Вене, составленную в духе моего предложения.

Настроение министра иностранных дел было настолько примирительным, что мне пришла в голову мысль, не получил ли он из Парижа или Лондона известий, которые не располагали его держаться агрессивного тона, усвоенного им дня за два перед тем. В этом предположении меня укрепляло полученное мною из Берлина сообщение [2]) о том, что французский министр юстиции, исполнявший обязанности отсутствующего премьер-министра, держал разумную речь пред герман-

[1]) „Дело идет, может быть, всего только о словах".
[2]) См. телеграмму статс-секретаря фон-Ягова от 26 июля

ским послом в Париже фон-Шеном, из коей вытекало, что и Франция тоже желает локализации конфликта.

Я высказал г. Сазонову мое живое удовлетворение по поводу того, что, благодаря его беседе с моим австро-венгерским коллегою, острота положения, повидимому, смягчилась. В то же время, однако, я по этому поводу самым серьезным образом поставил министру иностранных дел на вид, что в настоящее время представляется особенно важным не нарушать хода дипломатической работы принятием военных мер[1]). В этом отношении я должен был ему откровенно сказать, что известия, которые я получил касательно уже начавшихся военных подготовительных мер со стороны России, внушали мне самые серьезные опасения. В кругу военных атташе циркулирует даже слух, что несколько корпусов, расквартированных на западной границе, уже получили, будто бы приказ о мобилизации. В ответ на это г. Сазонов заверил меня в своей возможности гарантировать мне, что не издано еще никакого приказа о мобилизации, а что, напротив, имеется вполне определенное решение обождать с изданием такого приказа, пока Австро-Венгрия не займет положения, враждебного России. Однако, министр иностранных дел допустил, что некоторые военные подготовления имели место. Тогда я раз'яснил ему путем пространных и настойчивых представлений, сколь опасным мне кажется оказывать дипломатическим переговорам поддержку при помощи средств военного давления. Когда министр иностранных дел возразил мне, что принимаемые Россиею военные меры проводятся с единственною целью не дать событиям захватить себя врасплох, и далеко еще не означают ее стремления к войне, я возразил, что опасность состоит в том, что, стоит лишь положить начало таким мероприятиям, и власть над положением перейдет от дипломатов к генеральным штабам. «Ради бога», сказал я, «не давайте слова генеральным

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 26-го июля.

штабам!». Эту фразу я ежедневно повторял министру в течение всей последующей недели. Во время разговора г. Сазонов обратился ко мне с вопросом: «Но, ведь, и у вас мобилизация тоже еще не равносильна войне!». На это я ответил, что, теоретически говоря, может быть, и не равносильна, но в такой высококультурной стране, как Германия, мобилизация является мерой, столь глубоко проникающей все людские отношения, что она об'является лишь в последний момент, когда война кажется уже неизбежною, другими словами, когда безопасность империи находится под серьезной угрозой. Правда, раз вслед затем на кнопку уже было нажато, и аппарат мобилизации тем самым был пущен в ход, тогда уже невозможно сдержать его движение. Наше географическое положение вынуждает нас, в случае угрозы империи, предупредить наших противников быстротою. Если бы, от чего избави боже, дело дошло до такой крайности, то получила бы все свое значение фраза о «молниеносном наступлении», которое было открыто указано в рейхстаге, как наилучшая защита для Германии.

Мои рассуждения, повидимому, произвели на министра иностранных дел некоторое впечатление, так как в 10 часов вечера того же дня военный министр пригласил к себе военного атташе фон-Эггелинга, чтобы, как выразился сам министр, «ознакомить его с военным положением», по просьбе г. Сазонова. При этом генерал Сухомлинов ручался честным словом, что еще не последовало никакого приказа о мобилизации, не реквизирована ни одна лошадь, и не призван под знамена ни один запасный.

И в течение этого дня настроение в Петербурге оставалось еще очень спокойным[1]). Когда после полудня гвардейские войска, звякая оружием, возвращались из Красного Села, то мне бросилось в глаза, сколь равнодушно относилась к этому толпа, хотя

[1]) См. мое донесение имперскому канцлеру от 27 июля.

стояла прекрасная летняя погода. Ночью на некоторых улицах произошли небольшие демонстрации зеленой молодежи, но они носили совершенно явственный характер инсценированности.

В высших офицерских кругах из приближенных царю настроение было решительно в пользу мира. Генералу фон-Хелиусу, который до самого последнего времени находился в дружественных отношениях с этими кругами, был сделан намек на желательность того, чтобы наш император обратился с телеграммою к императору Николаю и указал ему на опасности, которые грозят монархиям в случае возникновения всеобщего столкновения. Об этом намеке я передал по телеграфу в Берлин[1]).

27-го июля.

Сперва казалось, что день 27 июля несет с собою дальнейшее ослабление напряженного положения. Как я узнал от своих коллег, опубликованное мною заявление о том, что австро-венгерское выступление против Сербии никоим образом не произошло под влиянием Германии, — оказало успокоительное действие. Этот факт нашел себе отражение и в печати. По всей вероятности, правительство повлияло в таком именно смысле на газеты. После полудня я вновь беседовал с г. Сазоновым и нашел его в том же самом примирительном настроении, как накануне. Поводом к нашей беседе явились две телеграммы имперского канцлера, полученные мною вечером 26-го и ночью 27-го июля.

В первой телеграмме указывалось, что теперь, когда Австро-Венгрия заявила, что она не ищет в Сербии никаких территориальных приобретений, а хочет только добиться спокойного состояния на своих границах, поддержание европейского мира зависит всецело от России; Германия, полагаясь на миролюбие

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 26 июля.

России и наши исконно-добрососедские отношения с нею, верит, что она не предпримет шагов, могущих явиться серьезною угрозою европейскому миру.

Вторая телеграмма, находясь в связи с предыдущею, отмечала, что подготовительные военные мероприятия России, направленные против нас, должны нас вынудить к принятию встречных мер, каковые должны привести к мобилизации армии. Мобилизация же означает уже войну. Так как нам известны обязательства Франции по отношению к России, то наша мобилизация должна быть направлена в одно и то же время и против России, и против Франции. Мы не можем допустить, чтобы в намерения России входило вызвать такую европейскую войну. Так как Австро-Венгрия не хочет покушаться на целость территории Сербского королевства, то мы держимся того мнения, что Россия могла бы занять выжидательное положение. Желание России не подвергать сомнению целостность Сербского королевства мы могли бы поддержать с тем большею готовностью, что Австро-Венгрия и не помышляет нисколько о том, чтобы вызывать такое сомнение. В дальнейшем развитии этого инцидента было бы легко найти основу для соглашения.

Г. Сазонов, до сведения которого я довел содержание обеих телеграмм, заявил, что они производят на него отличное впечатление[1]). Он просил меня выразить его благодарность имперскому канцлеру за оба сообщения и заверить его в том, что его обращение к нашим исконно-добрососедским отношениям находит полный отклик с его стороны и глубоко его трогает. Давая новые заверения в своем миролюбии, министр иностранных дел обещал, что, в своем предупредительном отношении к Австро-Венгрии, он пойдет до крайнего предела и намерен исчерпать все средства, способные разрешить нынешний кризис мирным путем. После того как Австро-Венгрия заявила о своей территориаль-

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 27 июля.

ной незаинтересованности и до сих пор не сделала никаких шагов, враждебных Сербии, г. Сазонову кажется, что настал момент для обмена взглядов между державами для изыскания средств с целью соорудить Австро-Венгрии «золотой мост». Намерение подвергнуть Австрию унижению очень далеко от министра иностранных дел. С другой же стороны, щадить сербский суверенитет представляется тем более необходимым, что в противном случае в Белграде может воцариться революционный режим, гораздо более опасный, чем нынешний. На это я возразил, что мне во всяком случае кажется необходимым серьезным образом проучить Сербию, дабы раз навсегда положить конец вызывающему поведению этого государства, по вине которого Европа за последние пять лет уже третий раз стоит на пороге к войне. Если Сербия хочет, чтобы с ней обращались, как с равноправным членом в семье европейских государств, она должна и вести себя, как культурное государство. Министр иностранных дел лишь слабо протестовал против этой критики, которой я подвергнул образ действий Сербии, и лишь повторно ходатайствовал о нашем содействии, чтобы побудить Австрию к смягчению некоторых требований, неприемлемых для Сербии. Что касается серьезных предупреждений имперского канцлера относительно русских вооружений, то министр иностранных дел сослался на заявления, сделанные накануне генералом Сухомлиновым майору фон-Эггелингу. Я отвечал, что мне остается лишь вновь настоятельно просить министра принять близко к сердцу за сутки пред тем развитые мною соображения касательно военных мероприятий.

Если 27 июля на политическом горизонте стал как будто немного проявляться в некоторых пунктах просвет, особенно вследствие более примирительного тона заявлений Сазонова, то в течение того же дня поступили известия, неспособные поддерживать оптимистический взгляд на создавшееся положение. Моя

жена, переселившаяся после полудня из Царского Села в Петербург, рассказала, что пред своим от'ездом из Царского Села она навестила одну знакомую даму, которая сообщила ей, что в продолжение всей ночи мимо ее дома по направлению к вокзалу катились поездные колонны с аммунициею и артиллерийские орудия. Это сообщение в связи с донесениями относительно военных мероприятий, затребованными от более крупных из наших консульских организаций, не оставляли никакого сомнения, что весьма значительные военные подготовления были в полном ходу. Может быть, генерал Сухомлинов был формально и прав, заверяя честным словом в том, что с русской стороны еще не издано никакого приказа о мобилизации. Тем не менее, военные мероприятия подготовительного характера, развивавшиеся усиленным темпом, принадлежали к числу таких, какие у нас происходят только по издании приказа о мобилизации.

28-го июля.

28 июля в Петербурге стал известен ответ сербского правительства на австро-венгерскую ноту. Всюду в русских общественных кругах делались усилия выставить этот ответ, как в высшей степени предупредительный. Генерал князь Трубецкой из императорской главной квартиры старался доказать генералу фон-Хелиусу необходимость признать, что сербская нота обнаруживает добрую волю Сербии и ее готовность вполне и всецело итти навстречу желаниям Австро-Венгрии [1]). Подобно г. Сазонову, князь Трубецкой также указал, что сербское правительство не может принять пункты еще спорные в австро-венгерской ноте, не подвергая себя опасности революции. Теперь, заявил князь, дело Австро-Венгрии сделать ответные шаги навстречу Сербии, если только она не хочет взять на себя вину в воз-

[1]) См. телеграмму генерала фон-Хелиуса е. в. императору Вильгельму от 28-го июля.

никновении европейского конфликта. Когда генерал фон-Хелиус возразил, что лишь от одной России, прямым образом незаинтересованной во всем этом спорном вопросе, зависит не допустить разразиться европейскому конфликту, то в ответ ему было указано на племенное родство русских с сербами. Князь Трубецкой подчеркнул, что как сам царь, так и все окружающие его настойчиво желают сохранения мира и не отказываются от надежд на успешное воздействие германского императора на Австро-Венгрию в духе умеренности.

После полудня в Петербурге было получено известие об об'явлении Австро-Венгриею войны Сербии; оно вызвало большое беспокойство. В виду того, что прошло два дня с момента истечения ультиматума, пред'явленного Сербии, а между тем Австро-Венгрия ничего не предпринимала против Сербии, то в руководящих кругах петербургского общества, очевидно, стали думать, что, вследствие угрожающей позиции России, — Австро-Венгрия не отважится на военное выступление против Сербии.

Настроение Сазонова вдруг снова совершенно переменилось. После полудня я застал его в величайшем волнении, и наша беседа привела нас к резкой сцене. Министр иностранных дел сразу же встретил меня словами, что теперь он видит насквозь всю нашу коварную политику; отныне для него нет ни малейшего сомнения, что Германия в точности знала планы Австро-Венгрии, и что дело идет об игре краплеными картами между германской дипломатией и венским кабинетом. В свою очередь раздраженный выпадами министра иностранных дел, я возразил ему, что еще несколько дней тому назад я вполне определенным образом заявил ему, что мы рассматривали австро-сербский конфликт, как дело, касающееся исключительно лишь обоих участвующих в нем государств, и не знали ни о ноте, обращенной к Сербии, ни о дальнейших планах Австро-Венгрии. И я решительнейшим образом протестую против

высказывания сомнений относительно правильности этого заявления, каковое я сделал от имени моего правительства. При этих словах я поднялся с места и оборвал беседу замечанием, что, если Сазонов принимает такой тон, как тот, который он только-что позволил себе, то я полагаю продолжение нашего разговора бесполезным.

Вернувшись в посольство, я нашел там сообщение генерального консульства о том, что полиция привела в состояние негодности аппарат беспроволочного телеграфа на германском пароходе «Принц Эйтель-Фридрих», стоявшем на якоре в Петербургском порту. Этот инцидент доставил мне случай отправиться к товарищу Сазонова, Нератову. Принеся этому последнему жалобу по поводу случившегося с пароходом «Эйтель-Фридрих», я рассказал ему о том, что только-что произошло между Сазоновым и мною. Приэтом я заметил, что тон, принятый министром иностранных дел, был таков, что для меня являлось невозможным продолжать нашу беседу; однако, мне хотелось подчеркнуть, что, в случае если г. Сазонов пожелает сделать в отношении меня хотя бы малейший шаг предупредительности, то я, само собою разумеется, немедленно явлюсь к нему для продолжения нашего обмена мнений.

По возвращении в посольство, я уже нашел там переданное по телефону приглашение г. Сазонова немедленно прибыть к нему в министерство иностранных дел. Министр, встретив меня там, бросился мне на шею и просил извинить его за то, что он позволил себе погорячиться. После этого я заявил, что считаю инцидент исчерпанным и не доведу о нем также и до сведения моего правительства. Затем г. Сазонов указал на создавшееся весьма серьезное положение, которое делает настоятельно необходимым, чтобы мы не допускали обрываться нити наших собеседований. Ссылаясь на отдельные пункты, в которых сербское правительство заявляло о своей готовности удовлетворить австрийские желания, министр иностранных дел

пытался убедить меня в том, что сербская ответная нота и на самом деле содержит все, чего только Австро-Венгрия могла бы справедливым образом требовать от Сербии. Если же Австро-Венгрия, все-таки, заявляет, что считает себя неудовлетворенною, то это лишь доказывает, что она хочет войны во что бы то ни стало. Министр иностранных дел с большой настойчивостью повторил свою просьбу о том, чтобы я повлиял на мое правительство, убедив его принять участие в посредническом выступлении. Приэтом он указал также на предложение сэра Эдуарда Грея организовать «разговор вчетвером»[1]). На это я возразил, что мнение моего правительства относительно этого греевского предложения мне неизвестно. Что же касается посреднического выступления, защищаемого г. Сазоновым, то я о нем уже телеграфировал в Берлин. Повторное препирательство об отдельных пунктах сербской ноты я дружественно отклонил и вновь сослался на германскую точку зрения касательно того, что спор о ноте Германия рассматривает, как дело чисто австро-сербское. Далее я обратил внимание министра иностранных дел на то обстоятельство, что, как мне удалось подметить, некоторые, близкие кругам его министерства, газеты обнаружили тенденцию сеять недоверие между Германиею и Австро-Венгриею; я заявил министру, что такого рода маневры не имеют никаких надежд на успех и не в состоянии способствовать делу мира. Затем я упомянул о недавно дошедших до меня сведениях относительно дальнейших русских военных мероприятий, которые, без всякого сомнения, были равнозначны мобилизации и далеко выходили за пределы того, что допускал военный министр в разго-

[1]) Предложение сэра Эдуарда Грея, как известно, сводилось к посредническому выступлению четырех великих держав, входивших в обе европейские группировки их довоенного времени и вместе с тем лично незаинтересованных в решении спора, т.-е. Великобритании, Франции, Германии и Италии.

Примеч. переводчика.

воре с германским военным атташе. В заключение я заметил, что, после того как генерал Сухомлинов скрепил свои заявления майору фон-Эггелингу честным словом, я должен был предположить, что подчиненные военные инстанции в своих распоряжениях пошли далее, чем это было известно и желательно в Петербурге. Во всяком случае я имел в виду снова и самым серьезным образом предостеречь против подобного рода мероприятий и обратить внимание на то, что, если Россия будет продолжать свои вооружения, это необходимым образом должно привести к войне[1]).

В заключение беседы с г. Сазоновым я коснулся также случая с пароходом «Эйтель-Фридрих»; я назвал поступок русских властей совершенно неслыханным, так как ведь Германия, на самом деле, еще живет с Россиею в отношениях мира и дружбы. Я заявил министру иностранных дел, что, если до отхода парохода, в полдень следующего дня, аппарат беспроволочного телеграфа не будет восстановлен за счет русского правительства, то я возлагаю на г. Сазонова ответственность за могущие проистечь отсюда последствия[2]). Г. Сазонов обещал довести об этом происшествии до сведения царя и просить его величество об отдании прямого приказания на предмет выполнения моего предложения. Через несколько часов я уже получил сообщение по телефону о том, что император отдал соответственное приказание. Из этого инцидента вытекает, что русские военные власти еще 28 июля издали распоряжение, которое свидетельствует о принятии ими в соображение возможности возникновения в ближайшие же дни войны также и с Германиею.

Вечером 28 июля я получил от имперского канцлера телеграмму, коей мне поручалось благодарить г. Сазонова за его сообщение от предшествующего дня, сви-

---

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 28 июля.

[2]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 28-го июля.

детельствующее об его примирительном настроении, и выразить надежду, что заявление Австро-Венгрии касательно ее территориальной незаинтересованности окажется достаточным, чтобы служить основанием для дальнейшего соглашения. Ночью 29 июля поступила новая телеграмма с сообщением имперского канцлера о том, что германское правительство неуклонно старается побудить венский кабинет к откровенному об'яснению с петербургским правительством, в видах выяснения, безукоризненным и — надо надеяться — удовлетворяющим Россию образом, целей и размеров австрийского выступления. Последовавшее между тем об'явление войны (Австро-Венгриею Сербии) ничего в этом отношении не изменило.

Ночью в германское посольство поступила телеграмма от императора Вилбгельма к царю с поручением немедленно передать ее дальше. Телеграмма гласила, что его величество с чрезвычайной тревогой осведомился о том впечатлении, какое выступление Австро-Венгрии против Сербии вызвало в России. Беззастенчивая агитация, которая в течение целых лет велась в Сербии, привела к возмутительному преступлению, жертвою которого пал эрцгерцог Франц-Фердинанд. Тот дух, который внушил сербам убийство их собственного короля с его супругою, все еще господствует в этой стране. Без сомнения, император Николай согласится с его величеством в том, что оба монарха, равно как и все главы государств, заинтересованы в том, чтобы настаивать на получении заслуженного наказания всеми теми, кто несет нравственную ответственность за гнусное убийство. С другой стороны, его величество отнюдь не упускает из виду, как трудно для царя и его правительства противодействовать течениям общественного мнения в стране. Памятуя о сердечной дружбе, издавна связующей тесными узами его величество с царем, его величество употребит все свое влияние, чтобы побудить Австро-Венгрию стараться прийти к откровенному и удовлетворительному согла-

шению с Россиею. Его величество выражает твердую надежду, что император Николай поддержит его в его усилиях устранить все затруднения, которые еще могли бы возникнуть.

29-го июля.

В полдень 29 июля я отправился к г. Сазонову, чтобы сообщить ему содержание обеих телеграмм, накануне вечером полученных от имперского канцлера. Министр иностранных дел заметил вновь, что оба сообщения «производят на него хорошее впечатление»; к сожалению, однако, министр до сих пор не имеет известий о том, чтобы в Вене обнаруживалась готовность вступить на путь прямого обмена мнений с петербургским кабинетом, путь, рекомендованный германским правительством; и это несмотря на то, что г. Шебеко получил инструкции заявить, что в Петербурге согласны на такой обмен мнений[1]). Вследствие этого приходится усомниться в доброй воле Австрии. Кроме того, Австро-Венгрия издала приказ о мобилизации восьми корпусов, каковая должна считаться направленной отчасти и против России. Поэтому Россия видит себя вынужденною также произвести мобилизацию своих войск на австро-венгерской границе. Соответственный приказ будет дан еще в течение нынешнего дня. Я немедленно привел против этой меры весьма серьезные возражения, после чего министр иностранных дел отвечал мне, что в России мобилизация еще далеко не означает войны, и что мобилизованная русская армия может, в случае нужды, хоть целые недели стоять с ружьем у ноги. Россия хочет, насколько это возможно, избежать войны. Я заявил, что эти заверения меня ни малейшим образом не успокаивают, и напомнил о соображениях, которые я так настойчиво развивал все последние дни против военных приготовлений. Пусть министр иностранных дел помнит, что

---

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 29 июля.

высшее военное командование возможных противников России отныне будет настаивать на принятии мер против мобилизации русской армии. Таким образом война сделается неизбежною. Г. Сазонов стал затем давать торжественные уверения в том, что ни малейшая военная мера не принята против нас с русской стороны. В ответ на это мне оставалось лишь указать на содержание общественного союзного договора между Германиею и Австро-Венгриею; приэтом я подчеркнул, что отнюдь не намерен с этим указанием соединить какую-либо угрозу. Однако, министр иностранных дел увидит сам, каковы будут последствия, которые угроза Австрии со стороны России необходимым образом должна будет за собою повлечь.

Генерал фон-Хелиус, который в этот день говорил с разными лицами из императорской главной квартиры, сообщил мне, что, по словам этих господ, война считается отныне почти неизбежною [1]). Об'явление войны Австро-Венгриею Сербии рассеяло надежды, которые еще лелеяли накануне. Теперь составилось убеждение в том, что Австрия действовала mala fide, и признают долгом России прийти на помощь Сербии, каковы бы ни были те последствия, которые могут отсюда произойти.

Около полудня Сазонов вновь пригласил меня к себе и сообщил мне, что венский кабинет «категорически отклонил» непосредственный обмен мнений с Петербургом [2]). Таким образом, ничего не остается, как вернуться к греевскому предложению беседы между четырьмя. Приэтом никоим образом нельзя ожидать, что Австро-Венгрия подчинится решению, которое вынесет это совещание. Министр иностранных дел уверял, что в средствах к выходу из нынешнего затруднительного положения он хватается за каждую

---

[1]) См. телеграмму генерала фон-Хелиуса е. в. германскому императору.

[2]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 29 июля.

соломинку. Я ответил, что у меня нет сведений об отношении моего правительства к предложению сэра Эдуарда Грэя. По моему мнению, однако, все положение изменилось в тревожном направлении и обострилось с того момента, когда Россия решилась на мобилизацию против Австро-Венгрии. Если г. Сазонов на самом деле серьезно хочет мирного разрешения конфликта, то, на мой взгляд, он совершил роковую ошибку, не помешав мобилизации. Тогда министр иностранных дел вновь подтвердил мне, что предстоит немедленное опубликование приказа о мобилизации. Однако, он все еще пытался снова доказать мне, что мобилизация еще не означает войны. Австро-Венгрия, мобилизовав восемь корпусов, вынудила Россию принять ответные меры к отпору. Министр никак не хотел согласиться с моим возражением, что австрийская мобилизация направлена исключительно против Сербии и никоим образом не является угрозою для России.

Моему австро-венгерскому коллеге, которого Сазонов видел после полудня того же числа, министр иностранных дел также сообщил, что приказ о мобилизации против Австро-Венгрии появится в тот же день. Однако, пояснительная нота (note explicative) к тому же приказу будет опубликована одновременно, и в ней будет указано, что мобилизация не означает намерения России вести войну, а ведет лишь к занятию ею положения вооруженного нейтралитета. Граф Сапари, подобно мне, указал на чрезвычайную серьезность этого мероприятия.

До моего свидания с г. Сазоновым я завтракал у моего английского коллеги. Сэр Джордж Бьюкэнен пытался защитить точку зрения России в австро-сербском конфликте и доказать, что г. Сазонов не может не стоять на ней. Спор по этому вопросу не заставил британского посла отказаться от своего взгляда. Зато сэр Джордж вполне согласился с моим указанием, что, как мне кажется, в создавшемся положении самым опасным моментом является продолжаю-

щееся все время принятие Россиею военных мер, на которые она, к сожалению, решилась. Приэтом я развил ему те же аргументы, какие я приводил г. Сазонову; я убедительно просил великобританского посла, чтобы он самым серьезным образом предупредил г. Сазонова об опасностях, заключающихся в дальнейшем развитии мобилизационных приготовлений России, если посол, как я предполагаю, хочет способствовать делу сохранения мира. Сэр Джордж заверил меня, что он уже не раз предварял г. Сазонова. Я имею тем более оснований верить правдивости заявления сэра Джорджа Бьюкэнена, что он, как то вытекает из содержания английской Синей Книги, в самом деле, указывал еще 25 июля русскому министру иностранных дел на опасность военных вооружений [1]).

К вечеру того же дня начальник генерального штаба генерал Янушкевич пригласил к себе германского военного атташе майора фон-Эггелинга. Генерал сообщил майору, что он только-что имел аудиенцию у царя. Военный министр поручил ему еще раз подтвердить майору фон-Эггелингу, что положение всецело осталось тем же, каким его министр охарактеризовал два дня тому назад. Генерал Янушкевич предложил нашему военному атташе выдать ему письменное подтверждение правильности своего заявления и дал ему в самой торжественной форме честное слово о том, что нигде до сих пор еще, до трех часов дня, не произведена мобилизация, т.-е. нигде не привлечено к знаменам ни одного запасного, не реквизировано ни одной лошади. Генерал не может ручаться за будущее, но во всяком случае он может подтвердить самым энергичным образом, что его величеству нежелательно производить мобилизацию на фронтах, обращенных к германской границе. Военный атташе заключил свое телеграфное донесение об этой беседе словами, что в виду посту-

---

[1]) Английская Синяя Книга № 17: сэр Джордж Бьюкэнен сэру Эдуарду Грэю.

пающих положительных многочисленных известий о последовавших призывах запасных чинов, он принужден считать этот разговор за попытку ввести нас в заблуждение о размерах до сих пор произведенных мероприятий.

Если уже известия об интенсивных военных приготовлениях, приходившие из различных частей Российской империи, бросали своеобразный свет на откровенные излияния начальника генерального штаба, то в виду возвещенной, за несколько часов перед тем, г. Сазоновым мобилизации против Австро-Венгрии, имевшей быть опубликованной к вечеру, эти излияния в самом деле должны были производить впечатление внушающих к себе мало доверия.

Вскоре после беседы с г. Сазоновым я получил следующую телеграмму от имперского канцлера: «Прошу самым серьезным образом указать г. Сазонову на то обстоятельство, что дальнейшее развитие мобилизационных мероприятий со стороны России вынудило бы нас к производству мобилизации, и что после этого вряд ли еще сохранилась бы возможность предотвратить возникновение европейской войны». Между шестью и семью часами вечера я снова отправился с этою телеграммою к министру иностранных дел. Я прочитал ему дословный текст телеграммы и добавил от себя просьбу видеть в этом сообщении не угрозу, а лишь дружественное предупреждение. Я заметил в то же самое время, что после всего того, что я говорил ему в течение предшествующих дней, настоящее заявление уже никак не могло ошеломить его. Тем не менее, г. Сазонов принял мое сообщение с видимым внутренним волнением и ограничился лишь ответом, что он доложит о нем своему августейшему повелителю [1]).

В какой степени напряжение и нервность уже в тот момент овладели русскими военными и морскими кру-

---

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 29 июля.

гами, доказывается тем, что, как рассказывал мне представитель одной небольшой державы, навестивший меня в тот же вечер, он слышал из достоверного источника, выдать который он не мог, — будто бы русский флот получил приказ открыть огонь по каждому германскому военному судну, в случае если бы оно показалось к северу от Риги.

В ту же ночь г. Сазонов еще раз пригласил меня к себе, по телефону, около полуночи. Я застал министра иностранных дел в состоянии более спокойном, чем за несколько часов перед тем. Между нами завязался разговор, длившийся полтора часа; г. Сазонов начал его с того, что вновь вернулся к мысли о «совещании четырех». Ему казалось, что при настоящем положении вещей это совещание сулит наилучшие перспективы в смысле побуждения Австрии к отказу от ее требований, посягающих на сербский суверенитет. Министр иностранных дел снова затем распространился в продолжительных раз'яснениях на тему о том, что Германия является единственною державою, которая в состоянии образумить Австро-Венгрию. Германскому императору достаточно сказать только одно слово, и в Вене его послушают. Я указал г. Сазонову, что, все-таки, довольно рискованно становиться поперек дороги великой державе, когда она взялась за оружие в защиту того дела, которое признала законным. Я напомнил ему о точке зрения, усвоенной нами в самом начале настоящего кризиса, а именно, о том, что мы рассматриваем австро-сербский инцидент, как спор, который касается только этих двух государств, и локализация коего представляется нам повелительно необходимой в интересах сохранения всеобщего мира. Австро-Венгрия считает полное удовлетворение требований, пред'явленных ею Сербии, необходимым в интересах ее положения, как великой державы. Если г. Сазонов требует теперь от нас оказать давление на венский кабинет с целью вызвать смягчение его требований, то он ждет от нас такого же вмешательства

в права чужого суверенитета, в каком он упрекает австрийцев за их действия по отношению к Сербии. Германия не может вести такую политику, не подвергаясь опасности серьезным образом повредить отношениям к своей союзнице. Однако, даже независимо от наших союзнических обязательств, общее положение вещей ставит пред германской политикой повелительное требование блюсти, чтобы положение Австро-Венгрии, как великой державы, оставалось непоколебимым. При этих обстоятельствах мы могли лишь ограничиваться даваньем советов в Вене для предотвращения конфликта с Россиею, и я заверил моего собеседника в том, что ни мой августейший повелитель, ни мое правительство не скупились на советы такого рода. Именно в результате этих советов Австро-Венгрия и заявила о своей территориальной незаинтересованности; этим самым опасения России касательно планов Австро-Венгрии потеряли почву, а потому России следовало бы удовлетвориться этим заявлением. Г. Сазонов резко возразил на это, что Россия не в состоянии этим удовольствоваться. Жизненные интересы России требуют, чтобы Сербия не превращалась в «вассальное государство Австро-Венгрии», «Сербия не должна стать Бухарою». Я сохранил свою точку зрения, именно, относительно того, чтобы предоставить ныне Австро-Венгрии одной свести свои счеты с Сербией; при заключении мира всегда еще останется время вернуться к вопросу о сохранении сербского суверенитета[1]). Затем я снова перевел разговор на русскую мобилизацию, которая, как я отметил, совершенно оттесняет австро-сербский конфликт на задний план, так как в настоящее время мы находимся лицом к лицу с опасностью всеевропейского пожара. На мое указание причины этой опасности у Сазонова был один лишь ответ: Россия не должна оставлять Сербию в беде. К этому он прибавил, что ни одно правительство не могло бы вести

---

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 30 июля.

никакой иной политики, не подвергая династию серьезной опасности. Не может быть и речи об отмене приказа о мобилизации русской армии, каковая-де является лишь следствием австро-венгерской мобилизации. Затем министр иностранных дел пытался уловить противоречие между сообщенным мною ему за несколько часов перед тем весьма серьезно предупреждающим сообщением имперского канцлера и телеграммою германского императора царю, пришедшей за день перед тем. Я заявил, что о противоречии тут не может быть и речи. Обращение моего августейшего повелителя с напоминанием об общих монархических интересах ничуть не противоречит предостережению относительно дальнейшего развития военных мероприятий России. Такого противоречия не было бы даже в том случае, если бы Германия уже мобилизовалась. Я еще раз подчеркнул, что предостережение имперского канцлера носило характер дружественный, а отнюдь не являлось угрозою.

30-го июля.

Полученная мною 30 июля утром телеграмма от имперского канцлера, отправленная вечером 29-го, уполномочивала меня сделать г. Сазонову заявления в нижеследующем смысле: мобилизация русской армии на австрийской границе, как приходится допустить, вызовет принятие соответствующих мер и с австрийской стороны. Трудно сказать, сколь долго в таком случае удастся еще сдерживать движение лавины. Следует опасаться, что мирным намерениям Сазонова уже не удастся в таком случае осуществиться. Чтобы предотвратить катастрофу, если еще возможно, германское правительство употребляет в Вене все свое влияние, дабы побудить Австро-Венгрию еще раз формально заявить, что территориальные приобретения в Сербии далеки от ее намерений, и что ее военное выступление в Сербии имеет в виду исключительно лишь временную оккупацию территории, которая заставила бы

Сербию дать гарантии ее корректного поведения на будущее время. При наличии такой декларации со стороны Австро-Венгрии, Россия достигла бы всего, чего ей хочется. Ведь, сам же г. Сазонов допускал, что Сербия заслуживает урока. Поэтому германское правительство ожидает, что, в случае его успеха в Вене, русское правительство воздержится от военного конфликта с Австро-Венгриею.

Я немедленно, еще до полудня, отправился к г. Сазонову, чтобы исполнить поручение имперского канцлера. Министр иностранных дел дал мне тот же ответ, какой я получил от него ночью, а именно, Россия не может удовлетвориться провозглашением Австро-Венгриею ее территориальной незаинтересованности в сербском вопросе[1]). Он, министр, не может вести иной политики, не ставя на карту судьбу империи. Я отвечал на это, что в таком случае мы стоим на мертвой точке и влечемся в бездну войны. Этому непременно надо помешать. Я в горячих словах убеждал министра иностранных дел, рисуя пред ним, как ужасна была бы эта война, размеры которой невозможно и предусмотреть. Нельзя, говорил я, оставлять без испытания ни одного средства, дабы, буде есть какая-либо возможность, еще задержать падение камня, уже пришедшего в движение. Пока обе стороны упорно держатся каждая своей точки зрения, положение безусловно является безнадежным. Только компромисс в состоянии вывести из этого положения. Австро-венгерская декларация о территориальной незаинтересованности доставила России серьезную гарантию в том, что равновесие на Балканах нарушено не будет. Таким образом, законные желания России в существенных чертах приняты во внимание. До сих пор еще наличное различие во взглядах кажется мне не столь значительным, чтобы из-за него должна была вспыхнуть война. При некоторой доброй воле с обеих сторон должна найтись формула для примирения обеих

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 30 июля

точек зрения. Я настоятельно просил министра иностранных дел попробовать найти такую формулу, не забывая, однако, приэтом, что и он, в свою очередь, должен обнаружить дух уступчивости. Тогда министр написал следующую фразу:

«Si l'Autriche en reconnaissant que son conflit avec la Serbie a assumé le caractère d'une question d'interêt européen, se déclare prête à éliminer de son ultimatum les points qui portent atteinte aux droits souverains de la Serbie, la Russie s'engage à cesser tout préparatif militaire».

(«Если Австрия, признавая, что ее конфликт с Сербией принял характер общеевропейского интереса, заявит о своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, посягающие на суверенитет Сербии, Россия обязуется прекратить всякого рода военные приготовления»).

Я заявил министру иностранных дел, что опасаюсь, как бы Австро-Венгрия не отказалась принять эту формулу, потому что она на самом деле все до сих пор пред'являвшиеся к ней со стороны России требования соблюдала полностью. Однако, я во всяком случае передам эту формулу по телеграфу моему правительству. Затем я снова пытался предложить еще раз компромисс на следующей основе: Австрия должна дать заверение, что при заключении мира с Сербиею, она урегулирует свое отношение к этой последней таким образом, чтобы суверенитет этого государства оставался бы незатронутым. Между тем г. Сазонов не соглашался на такое предложение. Единственною чертою в сазоновской формуле, чертою, подававшею мне луч надежды, было то, что она не содержала в себе требования о немедленном прекращении Австро-Венгриею ее военной экспедиции против Сербии[1]). Передавая сазонов-

[1]) День спустя это требование было включено в редакцию той же формулы, видоизмененную г. Сазоновым по предложению великобританского посла. См. № 97 британской Синей Книги: сэр Джордж Бьюкэнен сэру Эдуарду Грею.

скую формулу по телеграфу в Берлин, я обратил внимание на этот пункт.

Такова истинная история происхождения формулы Сазонова, подтверждаемая английскою Синею Книгою и русскою Оранжевою Книгой. Французский посол, как это выясняется из французской Желтой Книги, представил дело в таком виде, как будто бы Сазонов, для доказательства миролюбия России, предложил, по приказанию царя, такую формулу, которая по своей уступчивости шла до крайних пределов возможного [1]).

Замечательно, что во время этой беседы г. Сазонов вторично указал на опасности, грозящие русской династии, если бы русская политика не оказала сопротивления австро-венгерским требованиям. Из этого заявления можно было бы заключить, что русское общественное мнение в высокой степени возбуждено, и что правительство вынуждено занять резкое положение по отношению к Австро-Венгрии и Германии даже под угрозою войны. В действительности дело было не так. Правда, некоторое возбуждение было вызвано травлею в печати. Произошли также домонстрации в больших размерах, чем то имело место в начале настоящего кризиса. Тем не менее, широкая публика в общем вела себя с удивительным спокойствием. Нигде не наблюдалось ни малейших признаков воинственного одушевления, гораздо скорее можно было заметить признаки живой тревоги, как бы дело не дошло до войны. Во всяком случае возбуждение далеко не достигло той силы, как во время Балканской войны, и для правительства было бы легко, по моему мнению, справиться с возможными беспорядками, если бы оно обнаружило то же твердое поведение, как то было с ним зимою 1913 г. по вопросу о Скутари. Однако, судя по многим признакам, есть основание считать не невозможным, что в самом русском правительстве имелись элементы,

---

[1]) См. № 103 французской Желтой Книги: г. Палеолог к г. Вивиани.

которые склонны были в войне усматривать благоприятное отвлечение в виду многообразных симптомов недовольства и брожения, каковые за последнее время замечались в народе.

После полудня генерал фон-Хелиус отправил телеграмму его величеству императору Вильгельму с донесением о беседах, которые он вел с генералом свиты императора Николая князем Трубецким, равно как и с разными лицами из яхт-клуба. Уже 29 июля, как доносил генерал фон-Хелиус, князь Трубецкой, принимая телеграмму германского императора, адресованную царю, для дальнейшего препровождения ее по назначению, воскликнул: «Слава богу! вот телеграмма вашего императора, но я боюсь, не слишком ли поздно». 30 июля князь Трубецкой сообщил, что телеграмма произвела глубокое впечатление на царя, но, к сожалению, не могла ничего изменить, так как приказ о мобилизации против Австро-Венгрии уже отдан, и Сазонову удалось убедить царя в том, что отступление является уже невозможным. На это генерал фон-Хелиус заметил, что такая спешная мобилизация против Австро-Венгрии, ведущей местную войну с Сербией, создает отныне ответственность за неисчислимые последствия. Германия уже ответила на это; и теперь, после того как Австро-Венгрия дала заверения об отсутствии у нее намерения посягнуть на территориальную целость Сербии, ответственность за все это ложится на Россию. На заявление князя Трубецкого, что подобного рода заверениям нельзя верить, г. фон-Хелиус возразил, что в таком случае можно было бы позднее свести с Австро-Венгрией счеты по этому вопросу. Австрия мобилизовалась против Сербии, а не России, а потому для России нет и основания к немедленному вмешательству. Далее г. фон-Хелиус заметил, что фразу России: «Мы не можем оставить в беде наших сербских братьев», в Германии перестали понимать со времени ужасного преступления в Сараеве. В заключение князь Трубецкой ссылался в качестве единственного оправдания русской

мобилизации на ее медлительность. Впрочем, у генерала фон-Хелиуса получилось впечатление, что князь Трубецкой и сам, в глубине души, был убежден в чрезмерной поспешности действий России. Когда генерал фон-Хелиус сказал, что пусть князь Трубецкой не удивляется, если германские военные силы будут мобилизованы, князь Трубецкой в ужасе оборвал беседу и заявил, что он должен немедленно ехать в Петергоф. Далее генерал фон-Хелиус сообщил, что великий князь Николай Михайлович говорил ему в клубе, будто бы он получил известия, согласно которым бельгийская армия мобилизовалась, так как Бельгия состоит в союзнических отношениях с Франциею. Тем не менее, в клубных кругах, по сообщению г. фон-Хелиуса, настроение безусловно мирное и существует надежда на соглашение Германии с Россией на основе гарантирования первою того, что Австрия, после войны, не расширится за счет Сербии, а равно и не подвергнет эту последнюю полному разгрому. Касательно мобилизации высшие офицеры говорили в клубе, что, имея в виду огромные расстояния в России, нет возможности задержать ее. К тому же в России от начала мобилизации до начала войны еще очень далеко; поэтому всегда еще остается время для мирного раз'яснения спора. Равным образом генерал фон-Хелиус сообщал в своей телеграмме, что, за исключением нескольких демонстраций, в Петербурге все спокойно.

В течение дня из Берлина поступило несколько телеграмм, в которых мне был сообщен происшедший обмен телеграммами между царем и его величеством императором германским. Одна из телеграмм царя разминулась с вышеупоминавшейся телеграммою Вильгельма, между тем как другая являлась ответом на эту телеграмму. Первая телеграмма гласила, что царь рад возвращению германского императора в Германию. Царь обращается к его величеству с просьбой о помощи в настоящий серьезный момент. Постыдная война об'явлена слабому государству. Негодование по

этому поводу, всецело разделяемое царем, достигло в России чудовищных размеров. Царь предвидит, что очень скоро он окажется уже более не в состоянии сопротивляться тому давлению, какое производится на него, и будет вынужден прибегнуть к мерам, которые могут повести к войне. Дабы предупредить такое несчастие, каким явилась бы европейская война, царь, во имя старой дружбы, соединяющей обоих монархов, обращается к императору Вильгельму с просьбой о том, чтобы его величество сделал все для него возможное в видах удержания своих союзников от опасности зарваться слишком далеко.

В другой телеграмме царь благодарит императора Вильгельма за его телеграмму, которую он называет примирительной и дружественной. В противоположность этому, сообщение, сделанное сегодня германским послом русскому министру иностранных дел, «проникнуто уже совсем иным тоном» («onveyed in a very different tone»).

Царь просит его величество об'яснить ему это противоречие и почитает справедливым повергнуть сербскую проблему на рассмотрение Гаагского третейского суда. Царь с доверием полагается на мудрость и дружбу к нему императора Вильгельма. Имперский канцлер присоединил к сообщению этой телеграммы поручение для меня раз'яснить мнимое противоречие между моими словами и телеграммой императора Вильгельма, что, как упоминалось уже выше, я сделал во время моей последней беседы с г. Сазоновым.

Ответ германского императора на первую из телеграмм царя гласил следующее. Его величество, получив телеграмму царя, разделяет желание сохранить мир. Тем не менее, его величество не в состоянии, как он уже говорил в своей первой телеграмме царю, рассматривать выступление Австро-Венгрии, как «постыдную войну». Австро-Венгрии известно по опыту, что обещания Сербии, если они запечатлены только на бумаге, совершенно ненадежны. По мнению германского импе-

ратора, выступление Австро-Венгрии следует рассматривать, как попытку добиться полной гарантии того, что сербские обещания будут осуществлены на самом деле. Это мнение его величества находит себе опору в декларации австрийского кабинета о том, что Австро-Венгрия не помышляет ни о каких территориальных приобретениях за счет Сербии. Вследствие этого император Вильгельм полагает, что для России есть полная возможность оставаться по отношению к австро-сербской войне в роли зрителя и не вовлекать Европу в самую ужасную из войн, которую она когда-либо переживала. Его величество думает, что царскому правительству возможно непосредственно столковаться с Веною; такое соглашение между русским и австро-венгерским правительствами желательно, и, как он уже телеграфировал об этом царю, германское правительство всеми силами стремится к его споспешествованию. Военные мероприятия России, которые Австро-Венгрия могла бы рассматривать, как угрозу, естественно лишь ускорили бы наступление несчастия, которого оба монарха хотели бы избежать, и подорвали бы с другой стороны положение императора Вильгельма, как посредника, — роль, на которую его величество охотно согласился в виду обращения царя к его дружеским чувствам и к его помощи.

Позже, в течение дня, поступили еще две телеграммы от имперского канцлера. В одной из них мне поручалось сообщить Сазонову, что наша посредническая роль продолжается, но что условием ее сохранения нами является воздержание России в настоящее время от всякого рода враждебных действий против Австрии.

Другая телеграмма была ответом на мое донесение касательно сообщения Сазонова о том, что венский кабинет категорически отклонил предложение непосредственного обмена мнений с Петербургом. Канцлер доводил до моего сведения, что такое отклонение произошло еще до нашего последнего выступления

в Вене, и пока еще нет сведений о результате этого выступления.

К вечеру я посетил г. Сазонова, чтобы сообщить ему содержание обеих телеграмм. Министр иностранных дел обещал мне, что Россия намерена пока воздержаться от всякого рода враждебных действий против Австро-Венгрии, при условии, что эта последняя ее к тому не провоцирует [1]). Впрочем, наш разговор не привел ни к какой перемене в точке зрения, усвоенной г. Сазоновым. В течение беседы министр иностранных дел упомянул о том, что, по словам оффициального сообщения, полученного им от морского министра, германский флот в мобилизованном состоянии стоит перед Данцигом [2]). В виду этого Россия видит себя вынужденной принять соответствующие меры. Я заявил, что это известие представляется мне в высшей степени невероятным, и я немедленно же запрошу мое правительство о том, что в нем верного.

Вечером я получил еще из Берлина текст ответа царя на телеграмму германского императора, отправленную за день перед этим. Эта ответная телеграмма гласила следующее: царь сердечно благодарит императора Вильгельма за скорый ответ. В этот же вечер он послал к нему генерала Татищева, снабдив его нужными инструкциями. Осуществляемые ныне военные мероприятия являются результатом решений, принятых еще пять дней тому назад и именно в виду приготовлений Австро-Венгрии (значит, на совещании 25 июля в Красном Селе). Император Николай надеется от всего сердца, что эти мероприятия никоим образом не повлияют на роль императора Вильгельма, как посредника, каковую он ценит весьма высоко. Телеграмма заканчивалась следующими словами: «Нам нужно сильное давление с твоей стороны на Австрию, чтобы она пришла к соглашению с нами».

---

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 30 июля.
[2]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 30 июля.

Далее в ночь на 31 июля из Берлина поступили нижеследующие телеграммы.

Во-первых, конец телеграммы германского императора царю с ответом на его телеграмму от 30 июля, в которой речь шла о мнимом противоречии между моим заявлением г. Сазонову и содержанием телеграммы германского императора.

Телеграмма начиналась с выражения благодарности его величества за телеграмму царя. Затем в ней говорилось, что возможность противоречия между словами германского посла и содержанием телеграммы германского императора совершенно исключается. Посол получил указание обратить внимание русского правительства на опасности и серьезные последствия, которыми чревата мобилизация. Это же самое его величество высказал и в своей телеграмме царю. Австро-Венгрия произвела мобилизацию только против Сербии и притом она мобилизовала только часть своей армии. Если ныне Россия, как то вытекает из сообщения царя и его правительства, мобилизуется против Австро-Венгрии, то роль посредника, которую царь дружеским образом вверил германскому императору и которую его величество принял по настойчивой просьбе царя, — терпит ущерб, если только не делается невозможною. Вся тяжесть ответственности за решение ложится ныне на плечи царя, ему придется отвечать за войну или мир.

Вторая телеграмма, подписанная статс-секретарем по иностранным делам фон- Яговым, касалась мнимой мобилизации германского флота и поручала мне энергично опровергнуть это известие.

Наконец, третья телеграмма передавала содержание депеши германского посла в Вене. Граф Берхтольд просил графа Чиршки довести до сведения германского правительства о нижеследующем:

Вследствие принятого с благодарностью германского предложения австро-венгерское правительство дало инструкции графу Сапари вступить в переговоры

с г. Сазоновым. Граф Сапари уполномочен выяснить русскому министру иностранных дел значение ноты, пред'явленной Сербии, которая ныне уже опережена открывшимся состоянием войны между Австро-Венгрией и Сербией, а также — выслушать всякого рода предложения, долженствующие быть сделанными со стороны России, и, наконец, — обсудить с г. Сазоновым все вопросы, непосредственно касающиеся австро-русских отношений. Если русское правительство считает нужным осудить мобилизацию восьми корпусов, как мероприятие, которое в военном отношении выходит слишком далеко за пределы нужд похода против Сербии, то граф Сапари имеет поручение заявить, в случае если г. Сазонов по собственному почину затронет в разговоре этот вопрос, что такой военный контингент, по мнению австро-венгерского военного командования, соответствует численности сербской армии, насчитывающей в своих рядах четыреста тысяч человек. Граф Берхтольд еще в тот же вечер пригласил к себе русского посла Шебеко, чтобы высказаться пред ним в том же смысле. Кроме того, австро-венгерский министр иностранных дел заявил русскому послу, что Двуединая Монархия безусловно далека от намерения совершить территориальные завоевания в Сербии, и что она имеет в виду исключительно временную оккупацию сербской территории, дабы вынудить сербское правительство к полному осуществлению ее требований и доставлению ей гарантий корректного поведения на будущее время. Au fur et à mesure (по мере того, как) Сербия начнет выполнять условия мира, будет совершаться очищение сербской территории австро-венгерскими войсками.

31-го июля.

Рано утром 31 июля я только-что собирался отправиться в министерство иностранных дел, чтобы сообщить там содержание полученных за ночь телеграмм, как ко мне вошел военный атташе майор фон-Эггелинг и сообщил мне, что по углам улиц расклеивается при-

каз о мобилизации всех сил русской армии и флота [1]). И если телеграмма из Вены снова было возродила во мне некоторую надежду, то теперь для меня стало окончательно ясно, что война стала уже более неотвратимой. Так как я узнал тем временем, что Сазонов находится в Петергофе у царя, то я тотчас же поехал к его товарищу Нератову и сообщил ему содержание поступивших за ночь телеграмм. К этому я прибавил, что перспективы на соглашение, открывшиеся венской телеграммой, теперь, к сожалению, окончательно сведены на нет, благодаря мобилизации, направленной против нас. Известие о мобилизации России, по моему убеждению, произведет в Германии впечатление удара молнии, так как в настоящей стадии переговоров эта мера означает собой тяжкую угрозу и вызов Германии; этого германский народ не потерпит. Я не могу понять, каким образом русское правительство, которое всего лишь два дня тому назад дало нам торжественные заверения в том, что военные меры против нас приняты не будут, смогло решиться на роковой шаг об'явления всеобщей мобилизации именно в тот момент, когда оно узнало, что император Вильгельм и германское правительство с величайшей энергией и — как о том свидетельствовала последняя телеграмма из Вены — с успехом стремились наладить посредничество между Петербургом и Веной. У нас в Германии общая мобилизация русской армии может быть понята только в том смысле, что Россия хочет войны во что бы то ни стало, поэтому известие об этой мобилизации вызовет в Германии «ураган бури». Я не думаю, чтобы теперь могло еще что-либо воспрепятствовать возникновению войны, и тем не менее, я не хотел бы упустить случай немедленно же указать на серьезную опасность положения. Г. Нератов, видимо, был смущен моими раз'яснениями. Он ничего не возразил мне, а лишь ограничился заявлением, что даст знать

---

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 31 июля.

министру иностранных дел о моем сообщении. Вернувшись в посольство, я попросил находившегося в Петергофе г. Сазонова к телефону и вкратце изложил ему, какое действие русская мобилизация без всякого сомнения вызовет в Германии. Так как на мое сообщение по телефону министр иностранных дел отвечал лишь несколькими ничего не значащими замечаниями, то я решил ходатайствовать об аудиенции прямо у царя, чтобы наглядно показать ему самому опасность положения. Вскоре в ответ на мой запрос по этому поводу я получил от дежурного флигель-ад'ютанта сообщение по телефону, что моего прибытия ждут с ближайшим же поездом. Я заранее уже питал мало надежды, чтобы этот мой непосредственный шаг пред монархом мог иметь какой-нибудь успех в том смысле, чтобы его величество решился взять назад приказ о мобилизации. И тем не менее, мне казалось полезным сделать этот шаг. Все еще представлялась не вполне исключенной возможность того, что царь не достаточно ясно сознавал последствия, какие должна была за собой повлечь одобренная им мобилизация всей русской армии.

По пути в Петергоф я встретил генерала Мосолова, товарища министра императорского двора графа Фредерикса; на вопрос генерала я выяснил ему, как, на мой взгляд, складывается положение вещей, созданное общей мобилизацией русской армии. Мои раз'яснения, видимо, произвели сильное впечатление на генерала Мосолова.

По прибытии в Петергоф, я был принят царем в малом дворце Александрии, в его маленьком рабочем кабинете. Его величество весьма дружественно поднялся мне навстречу и спросил меня, что я несу с собой, нет ли у меня какого-нибудь поручения из Берлина [1]). На этот вопрос я ответил отрицательно и заявил, что в сей грозный час я почел себя в праве

[1]) См. мою телеграмму его величеству германскому императору, посланную через министерство иностранных дел.

воспользоваться моей привилегией посла и по собственному почину испросил непосредственно аудиенции у его величества. Мое желание состоит в том, чтобы откровенно охарактеризовать то впечатление, какое, по моему убеждению, должна произвести мобилизация всех вооруженных сил России на Германию. Это впечатление я изложил приблизительно в тех же словах, в каких я изобразил его пред товарищем министра иностранных дел Нератовым; приэтом я особенно подчеркнул, что мобилизация означает угрозу и вызов Германии, а вместе с тем, так как она последовала в тот момент, когда император Вильгельм ревностно старался осуществить свое посредничество между Россией и Австрией, то ее приходится рассматривать, как оскорбление его величества германского императора. Царь спокойно выслушал меня, не выдавая ни малейшим движением мускула, что происходит в его душе. В ответ на мои раз'яснения он сперва спросил меня: Vous croyez vraiment (В самом деле вы так думаете?). У меня получилось впечатление, что мой высокий собеседник либо в необычайной мере одарен самообладанием, либо еще не успел, несмотря на мои весьма серьезные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения. Когда я заметил, что единственное, по моему убеждению, что ныне еще, может быть, в состоянии предотвратить войну, — это отмена приказа о мобилизации, император возразил, что, так как я сам служил офицером, то должен понять, что, по техническим основаниям, уже отданные приказы невозможно задержать. Император Николай показал мне затем телеграмму, которую он только-что собирался отослать императору Вильгельму, равно как и начатое им письмо к его величеству, в котором царь излагал свою точку зрения. Я позволил себе заметить, что, по моему убеждению, при настоящем положении вещей слишком поздно предаваться такого рода телеграфным об'яснениям. Затем царь перешел к общему обсуждению положения и указал — несомненно по вну-

шению Сазонова — что мы должны произвести сильное давление на Австро-Венгрию. Приэтом монарх сделал характерное движение рукой. Такое давление крайне необходимо для спокойствия Европы. Я возразил на это указанием, что наше умеряющее влияние на Австро-Венгрию неоднократно проявлялось во время Балканской войны и было признано также Россиею. И в настоящем случае, как известно царю, мы не преминем использовать наше дружеское воздействие на венский кабинет. Нельзя, однако, ожидать от нас, чтобы мы произвели насильственное давление на Австро-Венгрию. Наше положение в Европе не дозволяет нам компрометировать наши дружеские отношения к нашей союзнице.

Император Николай ни слова не нашел в ответ моим раз'яснениям, которые, повидимому, не были им оценены. После этого я сделал еще попытку обратить внимание императора на то, какими опасностями грозит эта война монархическому началу. Его величество согласился с этим и, в конце концов, заметил, что он все же еще надеется, что все устроится к лучшему. Когда я на это возразил, что, по моему мнению, такой поворот невозможен, если не будет приостановлена мобилизация русских вооруженных сил, император указал рукою вверх, прибавив: «Ну, в таком случае может помочь только один».

После этого его величество отпустил меня милостивыми словами, выразив мне горячую благодарность за то, что я явился откровенно высказаться перед ним.

Когда я вышел из кабинета императора, то один из придворных лакеев сообщил мне, что министр императорского двора граф Фредерикс настоятельно просит меня, если возможно, немедленно посетить его в его аппартаментах. Я последовал этому приглашению и нашел графа вполне ориентированным в вопросе, так как, повидимому, генерал Мосолов уже передал ему наш разговор на железной дороге. Я еще раз вкратце изложил ему положение вещей, причем я особенно

подчеркнул, что вследствие согласия Австрии вступить в непосредственный обмен мнений с Петербургом по вопросу об австро-сербском конфликте, это положение весьма значительно уже улучшилось было, как внезапно и безо всякого понятного основания была об'явлена общая мобилизация русских вооруженных сил, которая уничтожила все возникшие было надежды. Затем я рассказал о моей беседе с царем и заметил, что, так как его величество не склонен решиться на отмену приказа о мобилизации, то я считаю положение отчаянным. Германия не потерпит вызова и угрозы, которые заключаются для нее в приказе о мобилизации. Граф Фредерикс, повидимому, глубоко взволнованный, едва сдерживая слезы, выступавшие на его глазах, выдвинул против моих доводов лишь слабые возражения. Однако, он заверил меня, что он намерен сделать до самого последнего момента все от него зависящее, чтобы предотвратить эту несчастную войну. Он всецело предоставил себя в мое распоряжение, на случай если бы я пожелал передать царю еще какие-нибудь сообщения. Во время беседы я заметил, что для меня совершенно непонятно, каким образом царь, относительно которого я не мог, ведь, предполагать, чтобы он хотел войны, мог дать свое согласие на издание приказа о мобилизации против нас, после того, как всего лишь за два дня перед тем мы получили, по его же настойчивому приказанию, самые успокоительные заверения в этом отношении. Тогда граф Фредерикс дал мне понять, что приказ о мобилизации был проведен под давлением военного министра Сухомлинова и министра внутренних дел Маклакова. Из них первый находился под страхом внезапного нападения, а последний сумел убедить императора Николая в том, что внутреннее положение России настоятельно требует какого-нибудь выхода.

Телеграмма царя императору Вильгельму, содержание которой император Николай вкратце сообщил мне, была составлена в нижеследующих выражениях. Она

начиналась с из'явления «сердечной» благодарности за посредничество германского императора, которое начинает подавать надежду, что все кончится наилучшим образом. По техническим основаниям нет возможности задержать русские военные приготовления, ставшие необходимыми благодаря австрийской мобилизации. До тех пор, пока будут длиться переговоры с Австрией по вопросу о Сербии, русские войска не предпримут никакого вызывающего действия. Царь ручается за это самым торжественным образом. Все свое упование он возлагает на милость божию и надеется на успешный результат посреднического выступления императора Вильгельма в Вене, ко благу наших обеих стран в пользу сохранения европейского мира.

С этой телеграммой царя разминулась в пути телеграмма германского императора нижеследующего содержания.

Его величество принял посредническую миссию между русским и австро-венгерским правительством вследствие призыва царя к дружеским чувствам императора Вильгельма и по его же просьбе о помощи со стороны германского императора. В то время, как эта миссия осуществлялась последним, войска царя были мобилизованы против Австро-Венгрии, союзной Германии, вследствие этого, как уже сообщал об этом его величество царю, предпринятое им посредничество сделалось почти иллюзорным. И тем не менее, его величество продолжал эту миссию. Ныне его величество получил известие о срочных приготовлениях к войне, предпринятых также против Германии на ее восточной границе. Его величество в своих стараниях сохранить мир в мире дошел до крайних пределов возможного. Поэтому не на него падает ответственность за бедствие, грозящее теперь всему цивилизованному миру. Еще и в данный момент от воли царя зависит отвратить это бедствие. Никто не угрожает ни чести, ни могуществу России, которая, конечно, могла бы выждать

успешных результатов императорского посредничества. Дружба к царю и его империи, завещанная его величеству его дедом на смертном одре, всегда была священна для его величества. Он хранил эту верность России, когда она переживала затруднения, особенно во время последней войны ее. Царь и теперь еще может сохранить мир Европы, если только Россия решится прекратить военные мероприятия, которые грозят Германии и Австрии.

31 июля, в 11 часов 10 минут вечера, я получил телеграмму от имперского канцлера нижеследующего содержания. Несмотря на еще продолжающиеся переговоры посреднического характера, и хотя мы сами до настоящего момента не приняли никаких мобилизационных мер, Россия мобилизовала все силы своих армии и флота, следовательно, ее мобилизация направлена также против нас. Эти мероприятия с русской стороны вынудили нас провозгласить для безопасности империи, состояние угрожающей опасности войны (die drohende Kriegsgefahr), каковое, однако, еще не означает мобилизации. Впрочем, мобилизация должна последовать в случае, если Россия не приостановит в течение двенадцати часов всякие военные приготовления, направленные как против нас, так и против Австро-Венгрии, и не даст нам по сему предмету определенных заявлений. Мне поручалось все это немедленно сообщить г. Сазонову и дать знать по телеграфу о часе этого сообщения. Имперский канцлер говорил в заключение, что г. Свербеев еще накануне телеграфировал в Петербург, будто Германия мобилизовалась, чего на самом деле нет до настоящего момента.

Это поручение к г. Сазонову я исполнил в 12 часов ночи с 31 июля на 1 августа[1]). Министр иностранных дел сперва повторил мне заявление царя о невозможности в силу технических оснований задержать мобилизацию или отменить приказ о таковой. Затем он про-

---

[1]) См. мою телеграмму министерству иностранных дел от 1 августа.

бовал снова доказать, что в России мобилизация отнюдь не означает намерения вести войну, и что переговоры возможно продолжать, несмотря на мобилизацию. Приэтом министр указал на последнюю телеграмму царя и на заключающиеся в ней уверения, что до тех пор, пока длятся переговоры, русские войска не предпримут никаких враждебных действий. Это уверение, которое царь торжественно скрепил своим словом, должно успокоить нас насчет русских намерений. Я возразил ему, что такое уверение не может удовлетворить нас, ибо царь не принимает на себя обязательства сохранить мир, в случае если переговоры не будут иметь успеха вследствие упорного поддерживания Россией выдвинутых ею требований. Я спросил министра иностранных дел, в состоянии ли он дать мне какие-либо гарантии в этом отношении. Так как г. Сазонов отвечал на мой вопрос отрицательно, то я заявил ему, что нельзя также в таком случае быть в претензии на наше высшее командование вооруженными силами, если оно отказывается выжидать, пока Россия сосредоточит на нашей границе свои чудовищно-громадные военные полчища. После этого министр иностранных дел опять вернулся к утверждению, что мобилизация не ведет еще непременно к войне, и снова поставил мне однажды задававшийся им вопрос о том, не может ли и у нас также быть об'явлена мобилизация без того, чтобы дело дошло вследствие этого неизбежным образом до войны. Касательно этого пункта я мог лишь сослаться на мои прежние об'яснения и категорически заявил, что если Россия не приостановит своей мобилизации и тем самым заставит нас равным образом мобилизоваться, то мы окажемся как раз у самого края бездны войны. Я еще раз настоятельно просил г. Сазонова уяснить себе серьезность положения. Виды на мирное разрешение кризиса значительно улучшились, благодаря из'явленной венским кабинетом готовности вступить в обмен взглядов с русским правительством относительно ноты,

пред'явленной Сербии. Это улучшение положения обязано своим возникновением посреднической деятельности германского императора. В эту минуту Россия без малейшего повода, невзирая на незадолго перед тем данные ею нам торжественные заверения, мобилизовалась против Германии. От России зависит, если она хочет мира, взять назад эту свою угрозу. Таким образом средство отвратить бедствие в руках России. Я все еще твердо храню надежду, что русское правительство решится приостановить мобилизацию. Технической невозможности в этом отношении нет. Императору всероссийскому достаточно сказать лишь слово, и приказ о мобилизации будет изменен в том смысле, что мобилизационные мероприятия должны быть приостановлены, в виду наступления новых обстоятельств. После беседы, длившейся целый час, я покинул министра иностранных дел, вынося определенное впечатление, что русское правительство исполнено решимости довести дело до крайности.

1-го августа.

Утром 1-го августа я решил воспользоваться предложением графа Фредерикса и попытаться через него еще в последний час побудить царя к отмене приказа о мобилизации. Ранним утром я послал атташе посольства фон-Бюлова в автомобиле с письмом к графу Фредериксу в Петергоф. Это письмо мое гласило нижеследующее.

Mon cher Comte! Je profite de aimable l'autorisation que Vous avez bien voulu me donner de m'adresser à Vous en cas de besoin. Ce que j'ai prevu est arrivé. La mobilisation de toute l'armée russe a fait à Berlin la plus fâcheuse impressión. On ne conçoit pas que cet ordre ait pu être donné pendant que la médiation de mon souverain continuait et n'avait pas encore echoué. N'oubliez pas qu'il n'y a que peu de jours qu'on nous a déclaré d'une façon formelle qu'on ne mobiliserait que

sur la frontière autrichienne et pas sur la frontière allemande. La situation est donc devenu extrêmement grave et je cherche partout des moyens pour empêcher un malheur. Car une guerre serait un enorme danger pour toutes les monarchie's. J'ai reçu l'ordre cette nuit de dire immèdiatement à m-r Sasonoff que nous ne mobilisons-pas encore, mais que si jusqu'à midi d'aujourd'hui la Russie ne nous déclare pas positivement qu'elle arrête ses préparations de guerre contre nous et l'Autriche, l'ordre de mobilisation sera donné aujourd'hui. Vous savez ce que chez nous cela veut dire. Nous ne pouvons pas cacher que dans ce cas nous sommes à deux doigt de la guerre, d'une guerre que ni Vous, ni nous ne désirons. Je sais à quel point il est difficile d'arrêter la machine mise en branle. Mais l'Empereur de Russie peut tout faire dans cet ordre d'idées. Je Vous supplie, faîtes ce que Vous pouver pour arrêter un malheur.

Votre très sincèrement dévoué et profondément affligé P.» [1])

(«Дорогой граф! Пользуюсь любезным разрешением, которое Вам угодно было дать мне, обратиться к Вам в случае нужды. Что я предвидел, то и случилось. Мобилизация всей русской армии произвела в Берлине самое досадное впечатление. Там не понимают, как мог быть отдан приказ о мобилизации в то время, как мой августейший монарх продолжал свою посредническую миссию, и эта последняя еще не потерпела фиаско. Не забывайте, что всего лишь несколько дней тому назад нам было заявлено формальным образом, что мобилизация совершается только на австрийской границе, а не на германской. Положение сделалось, таким путем, чрезвычайно серьезным, и я всюду ищу средств предотвратить несчастие.

---

[1]) Французский текст письма приводится с курсивом и орфографическими деталями подлинника, где исправлены лишь три-четыре буквенных опечатки, попавшие в немецкий экземпляр книги.

Примечание переводчика.

Ибо война явилась бы страшной опасностью для всех монархий. Сегодня ночью я получил приказание немедленно заявить г. Сазонову, что мы пока еще не мобилизуемся, но что, если до двенадцати часов нынешнего дня Россия не об'явит нам положительным образом о приостановке ею ее военных приготовлений против нас и Австрии, с нашей стороны последует приказ о мобилизации. А вам известно, что это у нас значит. Мы не можем скрывать от себя, что в таком случае мы оказываемся в двух шагах от войны, которой ни вы, ни мы не хотим. Я знаю, сколь трудно остановить движение машины, раз она пущена в ход. Но русский император все может сделать в этом отношении. Умоляю Вас, сделайте все, чтобы остановить беду. — Ваш очень искренно преданный и глубоко огорченный П.»).

Г. фон-Бюлов лично передал это письмо министру императорского двора, который, прочитав его, воскликнул: «Слава богу, что Вы прибыли во время. Через десять минут у меня будет доклад императору».

Отправив это письмо, я запросил весьма влиятельного министра земледелия Кривошеина, который, как мне было известно, стоял за мир, — не могу ли я побеседовать с ним. Моим намерением было изложить пред ним серьезность положения, если возможно подействовать на него в том смысле, чтобы он выступил в пользу отмены приказа о мобилизации. Министр земледелия отвечал мне, что он находится в моем распоряжении, но что он живет теперь на своей даче на островах. Так как мне казалось неудобным на более или менее продолжительное время отлучаться из посольства — каждую минуту я мог ожидать вызова по телефону от г. Сазонова или от графа Фредерикса, — то я отправил к г. Кривошеину только накануне прибывшего советника посольства г. фон-Луциуса[1]); я дал

[1]) В немецком подлиннике в обоих случаях стоит имя какого-то Муциуса (Mutius). Однако, это, очевидно, хорошо известный бывший

ему с собою копию моего письма к графу Фредериксу, чтобы министр земледелия увидел из него, сколь чрезвычайно критически складываются обстоятельства. Г. фон-Луциус вынес из этого краткого разговора с министром впечатление, что он противник войны. Впоследствии я слышал, что и в заседании совета министров, имевшем решающее значение, г. Кривошеин высказался в этом именно направлении.

Хотя с момента опубликования приказа о всеобщей мобилизации прошло уже двадцать четыре часа, Петербург еще 1-го августа представлял собою картину удивительно спокойную. И сейчас не наблюдалось решительно никакого общего военного одушевления. Отряды призванных под знамена запасных, которые отчасти проходили через город с музыкою, производили гораздо скорее впечатление людей удрученных, чем охваченных одушевлением. Запасных сопровождали женщины, и нередко можно было наблюдать, что не только эти последние, но что и сами запасные утирают выступившие слезы. Ни одной патриотической песни, ни единого возгласа не было слышно. Какая противоположность тому, что я немного дней спустя видел в Берлине!

Около двух часов пополудни граф Фредерикс из Петергофа попросил меня к телефону и сообщил мне содержание новой телеграммы, отправленной царем императору Вильгельму. Граф Фредерикс высказал надежду, что эта телеграмма еще сможет отвратить опасность войны. Содержание телеграммы было нижеследующее:

Царь получил телеграмму его величества. Он понимает, что император Вильгельм вынужден мобилизовать свои вооруженные силы. Однако, ему хотелось бы получить от его величества те же гарантии, какие он сам дал его величеству, а именно, в том, чтобы эти

советник здешнего германского посольства г. Луциус, имя которого, по недосмотру, оказалось искаженным в печати.

Примечание переводчика.

мероприятия не означали войны, и чтобы переговоры продолжались ко благу обеих стран и всеобщего мира, который столь близок сердцу обоих монархов. Исконно-дружеские отношения, существующие между обоими императорами, должны воспрепятствовать кровопролитию. Преисполненный доверия, царь с нетерпением ожидает ответа его величества.

Несколько часов спустя после этого разговора, около 5 часов 45 минут вечера, я получил нижеследующую телеграмму от имперского статс-секретаря по иностранным делам фон-Ягова.

В случае, если российское правительство не даст удовлетворительного ответа на наше требование (прекратить мобилизацию), я должен был вручить ему в пять часов вечера по средне-европейскому времени такое заявление:

„Le gouvernement impérial s'est efforcé dès les débuts de la crise de la mener à une solution pacifique. Se rendant à un désir qui lui avait été exprimé par Sa Majesté l'Empereur de Russie, sa Majesté l'Empereur d'Allemagne d'accord avec l'Angleterre s'etait appliquée à accomplir un rôle médiateur auprés des Cabinets de Vienne et de St. Petersbourg, lorsque la Russie, sans en attendre le résultat, procéda à la mobilisation de la totalité de ses forces de terre et de mer. A la suite de cette mesure menaçante, motivée, par aucun prèparatif militaire de la part de l'Allemagne, l'Empire Allemand s'est trouvé vis-à-vis d'un danger grave et immédiat. Si le Gouvernement Impérial eût manqué de parerà ce péril, il aurait compromis la sécurité et l'existence même de l'Allemagne. Par conséquent le Gouvernement Allemand se vit forcé de s'adresser au Gouvernement de sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies en insistant, sur la cessation des dits actes militaires. La Russie ayant refusé de faire droit à (n'ayant pas cru devoir répondre à) cette demande et ayant manifesté par ce refus (cette attitude) que son action était dirigée contre l'Allemagne, j'ai l'honneur d'ordre de mon gouvernement de faire savoir à Votre

Excellence ce qui suit: Sa Majesté l'Empereur, mon Auguste Souverain au nom de l'Empire, relève le défi et se considère en état de guerre avec la Russie".

«Императорское правительство старалось с начала кризиса привести его к мирному разрешению. Идя навстречу пожеланию, высказанному его величеством императором всероссийским, его величество император германский, в согласии с Англией, прилагал старания к осуществлению роли посредника между венским и петербургским кабинетами, когда Россия, не дожидаясь их результата, приступила к мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил. Вследствие этой угрожающей меры, не вызванной никакими военными приготовлениями Германии, германская империя оказалась пред серьезной и непосредственной опасностью. Если бы императорское правительство не приняло мер к предотвращению этой опасности, оно подорвало бы безопасность и самое существование Германии. Германское правительство поэтому нашло себя вынужденным обратиться к правительству его величества императора всероссийского, настаивая на прекращении помянутых мер. В виду того, что Россия отказалась (не нашла нужным ответить на) удовлетворить это пожелание и выказала этим отказом (принятым положением), что ее выступление направлено против Германии, я имею честь, по приказанию моего правительства, сообщить вашему превосходительству нижеследующее: его величество император, мой августейший повелитель, от имени империи, принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией.

С.-Петербург, 19 июля—1 августа 1914 года.

(Подп.) Ф. Пурталес»[1]).

---

[1]) Вследствие особой важности этого исторического документа мы заимствовали его русский перевод из Оранжевой Книги, опубликованной русским министерством иностранных дел (*Сборник дипломатических документов.—Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне*, стр. 53—54. — СПБ. Государственная Типо-

Заключение телеграммы содержало для меня указание телеграфировать о часе получения мною вышеизложенной инструкции и о часе ее выполнения, по русскому времени, затем потребовать мои паспорта и передать дела германского посольства посольству Северо-Американских Соединенных Штатов.

Как можно усмотреть из обоих выражений, заключенных в скобки, вышеупомянутая декларация предусматривала и тот случай, когда русское правительство вообще не даст ответа на наше требование остановить мобилизацию, и тот, когда этот ответ окажется недостаточным. Моею первою мыслью было вручить декларацию в форме ноты, которую я хотел передать г. Сазонову; с формальной точки зрения этот путь был бы, конечно, самым правильным. Между тем оба места текста, заключенные в скобки, вызывали бы необходимость заготовить две ноты, чтобы передать ноту, какая потребуется в зависимости от того, откажется ли г. Сазонов вовсе дать ответ на наш ультиматум, или же этот ответ окажется недостаточным. Так как времени для выполнения инструкций осталось у меня в-обрез (расшифрование телеграмм из Берлина закончилось уже три четверти седьмого), то я решился совсем отказаться от передачи формальной ноты и передать вышеупомянутую декларацию устно, а министру иностранных дел оставить только точную копию дословного текста этой декларации в редакции берлинской телеграммы в качестве aide mémoire (памятной записки).

графия, 1914). Этот перевод сделан и воспроизведен в печати в общем довольно удовлетворительным образом. К сожалению, того же нельзя сказать об оригинальном французском тексте документа: воспроизведение его в русской Оранжевой Книге содержит среди кое-каких опечаток одну довольно грубую, затемняющую смысл фразы („présage militaire" вместо „préparatif militaire").

Мы не воспроизводим также и той выноски, касающейся объяснения происхождения скобок в тексте, о которой говорит в своей книге ниже граф Пурталес. Ее смысл пояснен автором по существу достаточно верно.

Примечание переводчика.

Около семи часов вечера я был у г. Сазонова. Я три раза вопрошал его, не пожелает ли он дать мне ответ на мое последнее заявление, ответ, который еще мог бы спасти дело мира. После того как г. Сазонов заявил мне, что не может дать мне ответ, требуемый германским правительством, я дословно прочел ему вышеприведенную декларацию и приэтом нарочно обратил его внимание на обе возможные версии стоящих в скобках мест текста, предусмотренные декларацией, а именно, случай, когда он мне вовсе не даст никакого ответа, и другой случай, когда ответ этот не будет удовлетворять нас. Затем я заметил, что я намерен дословный текст только-что прочитанной мною декларации, каковую я прошу его считать переданной ему устно, оставить в его руках в качестве aide memoire'a. Я сказал, что не подписал передаваемой рукописи потому, что она является лишь письменным изложением устной декларации. По особливому желанию министра иностранных дел, я все же еще поставил мое имя под текстом вышеозначенного aide mémoire'a.

Это происшествие впоследствии было тенденциозным образом искажено в русской печати и изображено так, как будто бы второпях и в состоянии волнения я вручил г. Сазонову ложный документ, который совершенно не предназначался для передачи. Равным образом и сообщение этого события в русской Оранжевой Книге ни словом не упоминает о комментарии, который я сделал г. Сазонову по поводу моего aide mémoire'a; в то же время это сообщение в примечании особливо привлекает внимание к местам текста, заключенным в скобки и тем дает понять, что по ошибке документ был передан с местами, вставленными в скобки.

По вручении моей декларации, я откланялся министру иностранных дел и заметил при этом, что мне было бы желательно расстаться с Петербургом при других обстоятельствах. Я был убежденным сторонником хороших отношений между Германией и Россией; я всегда

высоко ставил значение этих отношений для сохранения европейского мира. Соответственно этому я постоянно старался, сообразно с моими слабыми силами, споспешествовать преуспеянию этих добрых отношений. И я считаю себя в праве с чистою совестью сказать, что я сделал все от меня зависящее, дабы предотвратить разрыв сношений. При этих словах г. Сазонов, глубоко тронутый, бросился мне на шею со словами «Croyez-moi nous vous reverrons» («Поверьте мне, мы еще увидим вас»). После этого я заметил, что эта война — великое несчастие, и что, по моему убеждению, ее следовало избегнуть. Г. Сазонов подтвердил это и горько сетовал на германского посла в Вене, как на виновника войны. Я с негодованием отвергнул эту инсинуацию и выразил мое удивление по поводу того, как, повидимому, плохо министр иностранных дел был осведомлен о деятельности германского дипломатического представителя в Вене. Не может быть ни малейшего сомнения, прибавил я, по вопросу о том, кто является виновником настоящей войны. Виноваты в ней те, кто добился от царя приказа о мобилизации против Германии и этим путем достиг того, что наша посредническая деятельность, направленная к сохранению мира, встретила со стороны России тяжкую угрозу и вызов, брошенный Германии безо всякого повода. Это, и только одно это, вызвало разрыв сношений. На это г. Сазонов возразил мне: «что мог я поделать в качестве министра иностранных дел, когда военный министр об'явил императору, что мобилизация необходима?». Я заметил в ответ на это, что, по моему мнению, именно он, г. Сазонов, по своему положению, был призван удержать царя от этого рокового шага, потому что из предшествующих разговоров ему было известно, каковы должны были быть последствия мобилизации. Чтобы положить конец этой бесцельной беседе, я обратился к министру иностранных дел с просьбою о выдаче мне иностранных паспортов. На это министр возразил мне, что техническое значение моей просьбы для него

не ясно. Тогда я раз'яснил ему мою просьбу в том смысле, чтобы г. Сазонов позаботился о принятии мер, нужных к выезду моему и германского посольства, равно как и баварской миссии. Г. Сазонов обещал мне позаботиться об этом и прибавил, что наш от'езд может состояться, конечно, лишь через день—два. На это я ответил, что назначение срока моего от'езда я должен предоставить русскому правительству; однако, министр иностранных дел поймет мое желание не задерживаться в Петербурге при создавшихся обстоятельствах дольше безусловно необходимого времени.

В время этой моей последней беседы с ним г. Сазонов произвел на меня впечатление полной беспомощности; это укрепило меня во взгляде, что за время последней фазы кризиса он всецело отдался на волю течения и превратился в безвольное орудие военной травли.

После полуночи в посольство явился командированный г. Сазоновым чиновник министерства иностранных дел, бывший секретарь российского посольства в Берлине, г. Радкевич; он сообщил, что в восемь часов утра к финляндскому вокзалу будет подан экстренный поезд для состава германского посольства. После полученного мною заявления г. Сазонова о том, что, по всей вероятности, мы сможем выехать только через один—два дня, сообщение г. Радкевича меня несколько удивило. Нам пришлось наспех принять последние меры к от'езду, пользуясь немногими часами, еще оставшимися в нашем распоряжении до срока от'езда.

В четыре часа утра, когда я только-что прилег было отдохнуть перед от'ездом, я еще раз был вызван г. Сазоновым к телефону. Министр иностранных дел сообщил мне, что в десять часов вечера русский император получил еще одну телеграмму от императора Вильгельма; в конце телеграммы его величество просит царя отдать приказ своим войскам ни в коем разе не переступать границы. Г. Сазонов спросил меня, каким образом согласовать эту просьбу со врученной мною

в семь часов вечера декларациею. Я заявил, что не могу дать никаких сведений по этому предмету; возможно, что императорская телеграмма была отправлена ранее той, в коей мне было поручено сделать вышеупомянутую декларацию.

Телеграмма германского императора, на которую ссылался г. Сазонов в своем запросе, была нижеследующего содержания:

Его величество благодарит за телеграмму царя. Вчера он указал русскому правительству тот путь, следуя которому только и возможно еще было избежать войны. Хотя его величество и просил ответа к сегодняшнему полудню, однако, император Вильгельм до сих пор пока еще не получил телеграммы от своего посла в Петербурге с ответом русского правительства. Посему его величество принужден мобилизовать свою армию. Немедленный, ясный и недвусмысленный ответ царского правительства — таков единственный путь избежать бесконечно великого бедствия. Пока его величество вынужден самым серьезным образом требовать от царя, чтобы он незамедлительно отдал приказ своим войскам ни при каких обстоятельствах не допускать хотя бы малейшего нарушения неприкосновенности германских границ.

2-го августа, в восемь часов утра, состоялся от'езд германского посольства вместе с баварской миссией и составом германского генерального консульства с Финляндского вокзала. Г. Сазонов прислал одного из своих чиновников, который должен был убедиться в том, были ли приняты все меры к нашему от'езду.

Дополнение.

В своем известном мемуаре «Meine Londoner Mission 1912 bis 1914» («Моя миссия в Лондоне с 1912 года по 1914») князь Лихновский [1]) обращается ко мне с упреком в том, что я в течение летнего кризиса 1914 года якобы доносил, будто, в случае выступления Австро-Венгрии против Сербии, Россия «ни при каких обстоятельствах не пошевелится». На моих же донесениях «основывалось положение, занятое германским правительством».

До сих пор я отказывался от публичного ответа на это совершенно неосновательное обвинение. Но так как мне грозит опасность, что эти обвинения могут проникнуть и в серьезные исторические труды, то я пользуюсь случаем опубликовать нижеследующий приказ, с которым покойный имперский канцлер граф Гертлинг обратился ко мне от 30 марта 1918 года:

Берлин, 30-го марта 1918 г.

«Ваше превосходительство, в вашем любезном письме от 5-го февраля т. г., приложения к коему я при сем возвращаю, изволили обратить мое внимание на то, что бывший посол в Лондоне князь Лихновский в своем известном мемуаре «Meine Londoner Mission» 1912 bis 1914» утверждает, будто бы ваше превосходительство,

---

[1]) Бывший германский посол при британском дворе.
Примечание переводчика.

в вашу бытность послом в Петербурге доносили, что Россия из-за Сербии «не шевельнется ни при каких обстоятельствах»; вы изволите заявлять также, что князь Лихновский, опираясь на это утверждение, подвергнул критике в самом неблагоприятном и ненавистническом тоне вашу деятельность, как дипломатического представителя империи в Петербурге.

Ваше превосходительство изволите сообщать мне далее, что князь не почел нужным признать ошибочность своих утверждений и выразить вашему превосходительству свое сожаление по поводу своих необоснованных нападок, и это, несмотря на то, что ваше превосходительство изволили чрез третье лицо доказать князю документальным путем, что его вышеприведенные об'яснения находятся в прямом противоречии с истиной; тогда вашему превосходительству было угодно передать все дело в мои руки, подать жалобу на князя Лихновского в служебном порядке и просить меня принять против него меры служебно-дисциплинарного взыскания, буде он окажется не в состоянии доказать обоснованность утверждений, на коих он опирает свои обвинения против вашего превосходительства.

О вчинении дисциплинарного процесса против бывшего посла в Лондоне не может быть более и речи, ибо князь за это время подал прошение об увольнении его от имперской службы, отказавшись от звания, содержания и претензий на получение пенсии (§ 100 закона об имперских чинах).

Тем не менее, я имею формально подтвердить вашему превосходительству, что, по справкам, наведенным в делах министерства иностранных дел, донесения вашего превосходительства из Петербурга за 1914 год нигде не дают места мысли, будто бы Россия «в случае выступления Австро-Венгрии против Сербии не шевельнется ни при каких обстоятельствах».

Другие критические замечания, направленные князем Лихновским против дипломатической деятельности

вашего превосходительства в Петербурге, по необычайной резкости выпадов против вашего превосходительства столь же мало соответствуют соображениям товарищеской солидарности, как и фактам действительности.

Гораздо вернее утверждать, что ваше превосходительство в 1913 и 1914 годах, вплоть до последних дней пред возникновением войны, в ваших донесениях и письмах повторно указывали на опасность, заключающуюся в том, что, хотя относительно малочисленная, но могущественная и весьма беспокойная группа панславистских натравливателей может увлечь за собою русское общественное мнение в случае серьезного столкновения между Австро-Венгриею и Сербиею. Многие из ваших донесений содержат указания на все более и более возрастающую слабость сопротивления русского правительства агитации националистических кругов и на рост национальной ненависти влиятельных русских сфер против Австро-Венгрии. Кратко говоря, из совокупности ваших донесений вытекает, что нападки князя Лихновского на ваше превосходительство частью прямо противоречат фактам, частью же лишены основания.

Я уполномачиваю ваше превосходительство воспользоваться настоящим письмом, буде то окажется потребным для оправдания вашего поведения.

(Подписано). Граф фон-Гертлинг.

Его превосходительству г. графу Пурталесу».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА. ▭ ▭ ▭ ПЕТРОГРАД.

Москва, Софийка, уг. Рождественки, д. 4/8, тел. 1-51-21.

ЛОПУХИН, А. А. — Отрывки из воспоминаний. (По поводу воспоминаний гр. С. Ю. Витте). С пред. Покровского.

МАКСАКОВ, В. и НЕЛИДОВ, М. — Хроника революции. Вып. I Ц. 70 к.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ АНТИ-ЕВРЕЙСКИХ ПОГРОМОВ В РОССИИ.—Т. II. Под ред. и со вступ. статьей Г. Я. Красного-Адамони. Стр. 547. Ц. 3 р. 50 к.

МИРОВОЙ ФАШИЗМ. — Сборник статей. Предисл Н. Л. Мещерякова (печатается).

МЕМУАРЫ ГЕРМАНСКОГО КРОНПРИНЦА.—С пред. В. Кряжина. Стр. 269. Ц. 75 к.

МОРИЗЭ, А.—У Ленина и Троцкого. Стр. 269. Ц. 75 к.

НОГИН, В. — На полюсе холода. Стр. 163. Ц. 80 к.

НОСКЕ, Г. — Записки о германской революции (От восстания в Киле до заговора Каппа). Стр. 186. Ц. 60 к.

ОЛЬМИНСКИЙ. — Три года в одиночной тюрьме. Стр. 191. Ц. 60 к.

ЕГО - ЖЕ. — Из прошлого. Сборник статей. Стр. 84. Ц. 25 к.

ПАЛЕОЛОГ, М. — Царская Россия. Перев. с пред. Павловича, М. Стр. 471. Ц. 1 р. 60 к.

ПАОЗЕРСКИЙ, М. Ф. — Русские святые перед судом истории. Стр. 156. Ц. 40 к.

ЕГО - ЖЕ. — Чудотворные иконы. Стр. 50. Ц. 50 к.

САНДОМИРСКИЙ, Г.—Фашизм. Пред. Н. Л. Мещерякова. Стр. 174. Ц. 80 к.

СТЕКЛОВ, Ю. — Степан Халтурин. (1857 — 1882). С портретом. Стр. 70. Ц. 10 к.

УЭЛЛС, Г. — Международная катастрофа и ее последствия. С предисл. Р. Арского. Стр. 128. Ц. 50 к.

ФАШИЗМ В ИТАЛИИ. — Сборник статей с предисл. Н. Л. Мещерякова. Стр. 99. Ц. 20 к.

ФЕДОСЕЕВ, Н. — Один из пионеров революционного марксизма в России. (Сборник воспоминаний). Стр. 184. Ц. 40 к.

ФИШЕР, А. — В России и в Англии. Стр. 104. Ц. 20 к.

ФУРМАНОВ, Д. и ЧАПАЕВ. — Сборник статей. Ц. 1 р.

ШТЕЙН, Б. Е. — Генуэзская конференция. Стр. 126. Ц. 20 к.

ШЕЙДЕМАН, Ф. — Крушение Германской империи. С предисл. М. Павловича. Стр. 326. Ц. 75 к.

ЗНАНИЕ
СИЛА
РСФСР

